

Gerd Freidhof

**Служебные языковые
средства в структуре
славянского диалога**

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch
den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen,
insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages
unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

Gerd Freidhof - 9783954794645

Downloaded from PubFactory at 01/10/2019 03:12:57AM

via free access

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von
Olexa Horbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta

Band 104

Gerd Freidhof

**Служебные языковые средства
в структуре
славянского диалога**

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

1995

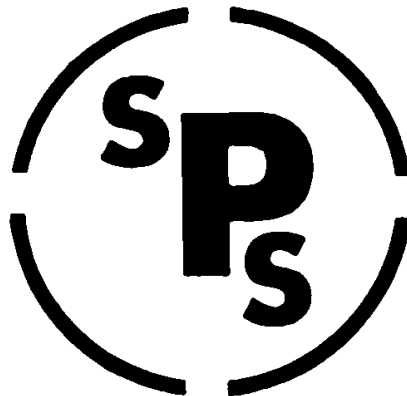
95.
10525

Übersetzer:
Dmitrij Zachar'in (Moskau)

Verlag Otto Sagner, München 1995.
Abt. Fa. Kubon und Sagner, München.
Druck: DS Druck GmbH, Marburg/Lahn.

ISBN 3-87690-587-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том являет собой сборник статей, опубликованных мной в последние годы. Статьи посвящены проблемам теории речевых актов, вопросам употребления частиц и сигналов планового членения. Параллельно затронут и ряд смежных теоретических проблем (их разбору отведено обширное исследование "Dialoganalyse, Gliederungspartikeln und Übersetzen", Zeitschrift für Slavische Philologie LI, 1991, 225-290).

В славянских странах интерес лингвистов к отмеченной проблематике заметно возрос в последнее время. Всецело оправданным поэтому представляется перевод ранее изданных научных очерков на русский язык.

Русский перевод, предлагаемый в настоящем сборнике, выполнен Д. Захарьиним (Москва). Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность переводчику, сделавшему текст доступным для более широкого круга читателей.

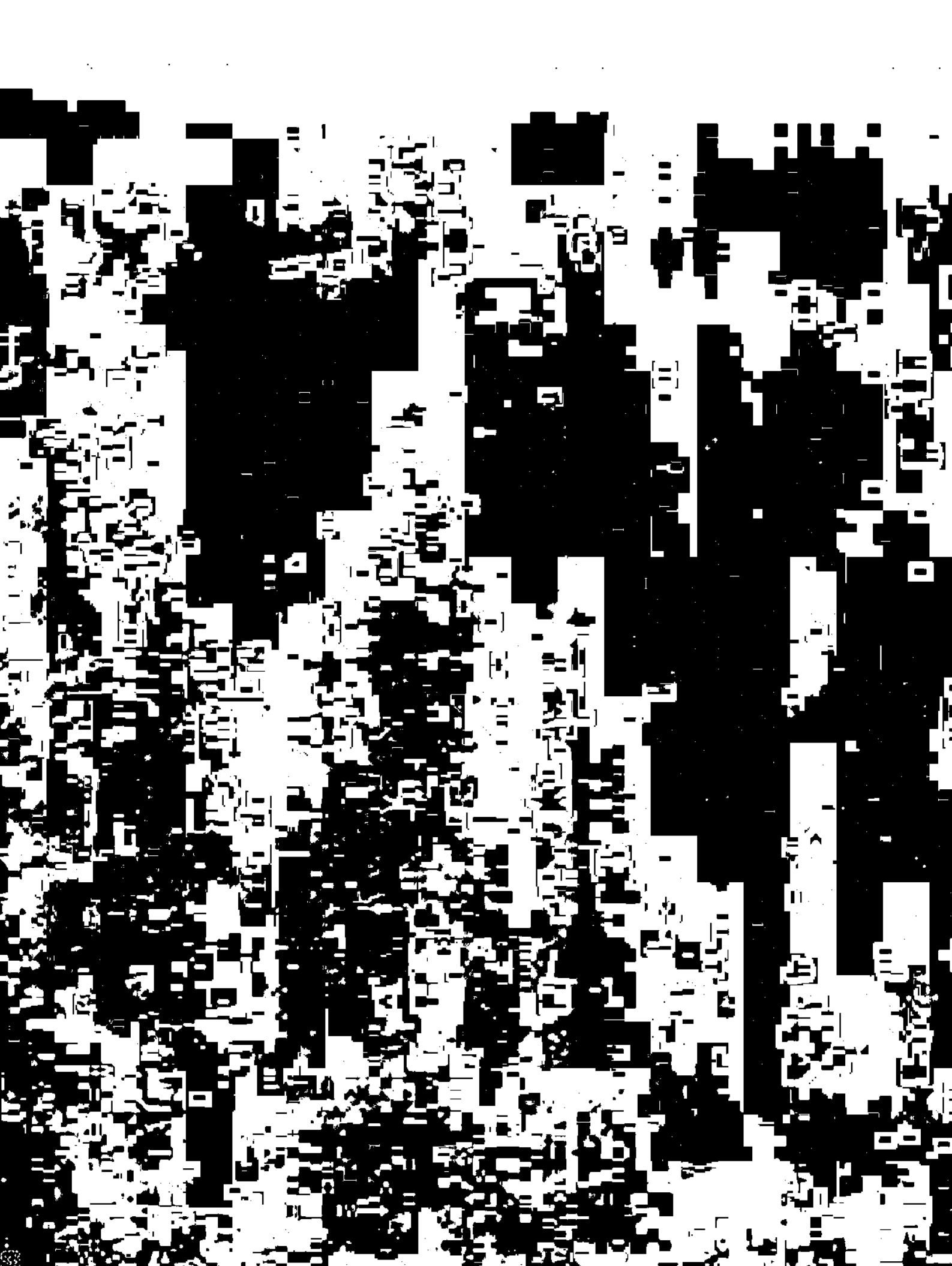
Благодарю также редакции журналов и издателей за их любезное разрешение опубликовать статьи в переводе. Оригинальная версия печатаемых здесь трудов восходит к следующим источникам:

- 1) Die Welt der Slaven, N.F. XV (1991), 18-29: "Umgangssprachliche Gliederungssignale in Dialogen der Schönen Literatur".
- 2) Slavistische Beiträge 274 (1991), 71-97: "Umgangssprachliche Eröffnungssignale in Dialogen der Schönen Literatur (Narrative Prosa)".
- 3) Die Welt der Slaven, N.F. XVI (1992), 282-295: "Metasprachliche Eröffnungen von Repliken als Mittel der illokutiven Verzögerung und Blockade".
- 4) Zeitschrift für Slawistik 38 (1993), 7-16 (в оригинале под другим названием): "Zur Konjunkional-Partikel *a* in Dialogstrukturen der slavischen Sprachen, insbesondere im Russischen".
- 5) Zeitschrift für Slawistik 37 (1992), 215-230: "Typen dialogischer Kohärenz und Illokutions-Blockade".

Франкфурт на Майне, 1994/95

Герд Фрайдхоф

СОДЕРЖАНИЕ

Разговорные сигналы планового членения в диалогах художественной литературы	7
Разговорные сигналы начала коммуникации в диалогах художественной литературы (на материале нарративной прозы)	25
Метаязыковые сигналы начала реплики как средство иллокутивной задержки и иллокутивной блокады	49
Союзные частицы в славянских языках в сопоставлении с немецкими частицами (на материале диалогических текстов)	65
Типы диалогической связности и иллокутивная блокада (на основе русских и чешских примеров)	81

Разговорные сигналы планового членения в диалогах художественной литературы

1. В своем докладе о результатах и перспективах исследований в области русского разговорного языка, опубликованном в сборнике "Русистика сегодня", Москва 1988, Е.А. Земская и Е.Н. Ширяев обозначили в общих чертах те задачи, которые в будущем откроют лингвистам новое поле деятельности. Под номером "шесть", то есть последней, названа задача описания сходств и различий, существующих между разговорным и поэтическим языком, или, выражаясь иначе, проблема моделирования писателями стилизованного разговорного языка как особой текстовой разновидности, отмеченной рядом типологических признаков, зачастую частного характера (Земская, Ширяев 1988, 150).

То, что разговорный и поэтический языки должны различаться, следует хотя бы из их противопоставления на экстралингвистическом уровне: в одном случае имеет место неподготовленность, спонтанность и даже небрежность в процессе текстопроизводства, в другом случае - продуманность, отточенность, высокая степень осознанности этого процесса. Продукт одного вида речевой деятельности, характеризующийся системными нарушениями и стилевыми погрешностями, допустимыми с точки зрения литературной нормы, противопоставлен другому, имеющему характер артефакта, при котором искусственное использование языка, а значит, и сами погрешности осознаются как намеренно выбранное средство литературного выражения. Нарушение литературной нормы - явление, регулярное в системе разговорного языка - с чисто формальной точки зрения изоморфно аналогичным феноменам в сфере поэтического языка, однако ввиду различных проявлений и различных условий протекания обоих процессов, отношение между ними лучше определить как квазиизоморфное (там же, 151).

Отношение разговорного языка к общелитературной норме и поэтическому языку уже давно выдвигалось в качестве лингвистической проблемы и было подробно описано; в данном контексте следовало упомянуть хотя бы проблематику сказа (ср. последнее критическое исследование Gau 1988 о Зоценко). В.В. Виноградов справедливо указывал на тот факт, что устная речь, стилизованная в произведениях художественной литературы, лишена показателя "звучание", отчего в своей письменной фиксации она поневоле приобретает литературный оттенок (Виноградов 1963, 17). И все-таки в этой литературно-стилизованной речи имеется ряд "симптомов", обнаруживающих ее связь с разговорным языком.

Виноградов видит в ней результат перехода естественной устной

речи в литературную форму, - последнюю следует трактовать не как копию устной речи, но как образование, имеющее типологически родственные ей признаки. В литературно обработанной разговорной речи имеет место явление, которое С.С. Беркнер (1974, 46) назвал коммуникативной концентрацией: все, что замедляет действие (нелогичное, неупорядоченное, ненужные повторы) элиминируется из текста (47). Несмотря на литературную переоблицовку, основные элементы разговорного языка сохраняются в литературно-стилизованном тексте; конечно, имеет место вариативность таких элементов у отдельных авторов.

Наблюдаемая вариативность, которая особенно явно проступает в славянской литературе при сравнении языка авторов 19-го и 20-го столетий, указывает на необходимость исследования идиолектальных особенностей разговорного языка, используемого в конкретных произведениях. Коммуникативная концентрация, о которой говорит Беркнер, реализуется по-разному в языке каждого писателя, поскольку все авторы следуют различным эстетическим образцам. Данные различия относятся и к обсуждаемой ниже проблематике, связанной с функциями сигналов планового членения. Таким образом, необходимы отдельные исследования по следующим темам: вводные сигналы у Трифонова, вводный сигнал *а* в языке Шукшина, заключительные сигналы у Войновича, сигналы с неканонической фонетикой у Ненадаля и т.п.

Характер стилизации разговорного языка определяется не только личностью автора или литературным направлением, но и родом текста. На статистически значимые различия между используемыми показателями разговорного языка в драме и прозе уже указывал А.П. Журавлев. Речь шла, главным образом, об опущении субъекта и предиката во фразе (Журавлев 1970, 181). К. Кожевникова, в свою очередь, отмечала, что воспроизведение устной речи в эпической прозе создает лишь иллюзию подлинности, поскольку эта речь приписывается фиктивному персонажу (Кожевникова 1970, 147).

Таким образом, литературно-стилизованная разговорная речь неразрывно связана с самим литературным произведением, его эстетическим, эмоциональным и интеллектуальным пафосом. Это означает, что и диалог, имеющий признаки разговорного стиля, является составной частью процесса "эвокации" (подобно другим языковым средствам), то есть, он служит автору средством художественного изображения (там же 55). Устная разговорная речь и литературно-стилизованная разговорная речь связаны отношением, характер которого мог бы быть определен в терминах формальной интертекстуальности.

Речь идет о взаимоотношениях данного текста и как бы отсутствующего текста; исследования, ориентированные на изучение внутритекстовых связей, рассматривают подобные феномены преимущественно как виды смысловых замещений. Литературный текст, стилизованный в разговорном ключе, рассматривается, таким образом, как "Ort der Überschneidung von präsentem und absentem Text" (Lachmann 1990, 63).

2. Наиболее часто употребляемый в научной литературе термин "социально-речевое общение" (Виноградов 1963, 18) относится к диалогу, который противопоставлен монологу как иная форма языкового выражения. Уже Щерба в 1915-ом году указывал на более консервативный и более традиционный характер монологической речи (Щерба 1973, приложение 3), немного позднее (1923) Л.П. Якубинский выдвинул тезис о том, что диалог имеет определенный приоритет над монологом как изначальная и естественная структура (Якубинский 1986, 17). Монолог и диалог образуют противопоставление на уровне двух элементарных способов языкового выражения (ср. Mukařovský 1948, 121сл. и 129сл.).

Таким образом, референциальная функция языка может быть привязана либо к диалогу, либо к монологу, выражаясь точнее, - либо к монологической, либо к диалогической текстовой структуре (ср. там же, 122). Однако это совсем не означает, что степень распределения референциальных функций одинакова в обеих структурах. В диалогах заметно большая роль отведена эмотивной функции, соотносимой с говорящим, и конативной функции, соотносимой со слушающим (ср. Jakobson 1960, 94). К перечисленным следует отнести и фатическую функцию: в качестве существенного и определяющего элемента именно она в специальном контексте (н.пр. в small-talk - см. Schneider 1988) приобретает значительный перевес над прочими функциями: это происходит тогда, когда отдельная реплика (turn), будучи семантически пустой, служит всего лишь средством поддержания коммуникации.

Фатическая функция может трактоваться как в более узком, так и в более широком смысле: в первом случае установка на контакт (или на обрыв контакта) формулируется эксплицитно ("слышишь?", "смотри!", "перестань!"). Во втором случае оба сигнала передаются имплицитно, например в мини-диалоге (small-talk), где частично участвуют реплики, пустые по содержанию.

Встает вопрос: что же такое диалог? Ответ на него мы получим из анализа разговорных текстов (или, в других терминах, из теории диалога, из анализа дискурса и т. п.). В настоящей работе не прово-

дится различия между нем. понятиями "Dialog" и "Konversation"- под последним понимается вид диалога, не предполагающий определенно и непосредственно заданной цели, речь идет о самом говорении, о беседе как роде вежливой игры (ср. Mukařovský 1948, 137).

Попытаюсь теперь обобщить основные дефинирующие признаки диалога:

1) С современной точки зрения, за наиболее серьезный теоретический постулат следует принять "принцип кооперации" Грайса (Grice 1980, 113), в соответствии с которым диалогические реплики рассматриваются не как набор бессвязных замечаний, но как кооперативные усилия говорящих. Не разъясняя значения отдельных категорий (т.е. количество, качество, отношение, способ), определим главное содержание кооперативного принципа. Каждая реплика в диалоге должна соотноситься с речевой ситуацией и с коммуникативной задачей говорящего по следующим параметрам: содержание информации, содержание истинной информации, релевантность информации и однозначность информации. Таким образом, принцип кооперации формулируется с помощью основных понятий диалога, так называемых постулатов. Даже если в отдельных примерах разговорно-диалогической речи наблюдаются нарушения описанного принципа, тем не менее, с моей точки зрения, кооперативный принцип может быть признан основой для описания структуры диалогических реплик, а также планового членения диалога в условиях т.н. turn-taking.

2) Поскольку диалоги должны функционировать как полноценные тексты, необходимо, чтобы выполнялись условия внутритекстовой связности, обеспечивающие переход от одной реплики к другой. К ним относятся условия приема, продолжения и передачи темы, а также ответные сигналы слушающего, то есть виды планового членения диалога.

А.А. Леонтьев отмечал в связи с этим, что, с одной стороны, общие правила, регулирующие "связность" текста, действительно как для монологов, так и для диалогов, а с другой стороны, текстолингвистическому понятию "связность" может соответствовать аналогичное понятие из области психолингвистики, а именно "цельность" (Леонтьев 1976). Для экспликации понятий "связность текста" и "цельность текста" в рамках нашей темы особенное значение приобретают различные категории сигналов планового членения (там же, 66), в том числе и способы передачи речевых пауз (63). К ним следует отнести, например, так называемые "сигналы речевых задержек", заполняющие паузы в беседе (ср. в связи с последним термином работу Хинрикса на материале сербо-хорватского

языка - Hinrichs 1989). Перечисленные признаки, без сомнения, обеспечивают связность диалогического текста (и тем самым полноту его восприятия); кроме этого, они управляют механизмом перехода от реплики к реплике. В языке большей частью действует правило, согласно которому средства, обеспечивающие связность перехода от реплики к реплике в диалоге, не отличаются принципиально от аналогичных средств в монологе: речь идет о разных содержательных контекстах, которые могут иметь различное языковое оформление.

В научной литературе по данному вопросу уже справедливо указывалось на то, что в диалоге на передний план выступает прагматическая функция текстовой связности. В частности, в работе Падучевой (Падучева 1982, 306) говорится следующее: "В диалоге, однако, ярко проявляется новый вид текстовой связности, которую естественно назвать п р а г м а т и ч е с к о й. Прагматические связи - это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т.п." Западная лингвистика принимает понятие "иллокутивный речевой акт" как основу классификации реплик при анализе диалога, у славистов аналогичный подход наиболее ярко продемонстрирован работами чешской исследовательницы О.Мюллеровой (Müllerová 1979).

Сигналы планового членения можно рассматривать в зависимости от макросинтаксических структур диалога, которые служат как бы контролерами отдельных реплик: "Die Gliederungssignale gehören zweifellos zu diesen Sprachmitteln, die über den Satz hinaus und deren Leistung nur aus der Rede verstanden werden kann, d.h. aus der kommunikativen Verwendung von Sprache in einem situativen Kontext. Um die Funktion solcher Sprachmittel adäquat zu beschreiben, reichen die traditionelle, aber bisher auch die strukturelle und transformationelle Syntax nicht aus: Phänomene dieser Art können nur in einem anderen, einem makrosyntaktischen Rahmen erfaßt werden. Die Klasse der Gliederungssignale ist überhaupt nur bei makrosyntaktischer Betrachtungsweise als solche erkennbar" (Gülich 1970, 16-17). Трудно сказать, является ли понятие "discourse-initial utterances", предложенное в работе Yokoyma 1986, абсолютно приемлемым для описания комплекса сложных явлений - вопрос, на который должна ответить практика описания конкретных текстов. Не исключено, что более успешной могла бы оказаться классификация Конрада или Мюллеровой (Conrad 1978, Müllerová 1979).

3) Функции языка (см. определение в работе Jakobson 1960)

выражены в диалогических текстах отчетливее, чем в каких-либо других текстах. На роль эмотивной, конативной и фатической функции уже было указано выше. В совершенно особом ракурсе выступают среди прочих метаязыковые элементы, которые обозначаются здесь обобщающим термином "оттеночные слова" (речь идет о частицах, вводных словах, вводных предложениях и т.п.; ср. Hinrichs 1991). Можно было бы указать в этой связи на большое число работ Ратмайр и Хинрикса, охарактеризовав одновременно и один существенный недостаток, присущий многим статьям о частицах: в них недостаточно внимания отведено ответу на вопрос, какая часть семантики выводима в каждом конкретном случае из самой частицы, а какая часть проясняется в контексте. Все сказанное, однако, не мешает обсуждать проблему многозначности, имеющую очевидный статус в науке о частицах (ср. Vasilyeva). При этом, разумеется, нередко встречаются толкования не выходящие за границы конкретных примеров, привязанных к эпизодическим фактам. Проблемы лексикографии оказываются тем самым автоматически обозначенными: введение в словарь всех оттенков употребления оттеночных частиц едва вообще возможно и, тем более, едва ли осмыслено, поскольку прагматические условия их употребления могут быть весьма сложными. Основу приближенной классификации составляют традиционные типы повествовательных, вопросительных и побудительных предложений (об условиях их употребления см. например Helbig/Kötz, 1985, 30 сл.).

4) В силу своего происхождения, диалоги представляют собой тексты, фиксирующие устную речь; в соответствии с представлениями Якубинского 1986, они являются первично-базовыми. Диалоги, тем самым, обнаруживают все характерные признаки разговорного языка. Более того, устные диалоги, по сути, образуют корпус текстов, в которых находят выражение правила и законы разговорного языка, ведь именно устные диалоги возникают в спонтанной, непринужденной, неподготовленной и неофициальной ситуации (ср. Земская 1973, 5 сл., Земская/Капанадзе 1978). Вне системных правил (если существования таковых вообще возможно допустить по Земской) следует указать на некоторые признаки речи (*parole*), содержащие задержки, неточности, даже ошибки (заикание, повторы, лексические промашки, оговорки и т.д.). Сама нотация подобных текстов готовит каждому лингвисту большие трудности, что известно из доступного корпуса текстов (ср. Земская/Капанадзе 1978 сл.; *Texte deutscher gesprochener Standardsprache I*, 1978, 33сл.); упрощенная нотация текстов встречается, по этой причине, довольно часто (ср. Pisarkowa 1975).

Диалог в художественной литературе, в отличие от живого, стилизован в уже описанном нами ключе, он очищен и художественно оформлен. Хотя он и обладает релевантными для устных диалогов характеристиками, но, как всякий артефакт, он не только является произведением искусства, но, вместе с тем, и произведением искусственным, то есть неестественным по природе. Таким образом, задача наших дальнейших рассуждений состоит в отыскании таких показателей, которые самим авторам литературных произведений представляются важнейшими средствами реализации поэтических функций и которые позволяют им создать абстракцию естественного диалога (здесь мы ограничимся проблематикой сигналов планового членения).

Итак, в понятийном плане, следует четко различать диалоги устной спонтанной речи и диалоги стилизованной речи, относящейся к тому или иному жанру художественной литературы. Оба вида диалога отвечают перечисленным нами условиям 1-3, к ним относятся выполнимость принципа кооперации и законов текстовой организации, а также продуктивность большинства языковых функций.

3. Сигналы планового членения могут быть рассмотрены в свете различных критериев:

- (а) С точки зрения местоположения внутри высказывания, н.п. речь может идти о сигнале открытия темы (turn). Неясным остается вопрос, насколько фатическая функция, в широком значении, может или должна характеризовать открывающий реплику сигнал. Неоспоримым, однако, можно признать тот факт, что начальный сигнал является средством вступления в контакт с собеседником (ср. Hoffmannová 1984, 113).
- (б) С точки зрения степени эксплицитности/имплицитности сигнала, эксплицитными считаются сигналы, имеющие регулярную фонетическую выраженность, к имплицитным относятся все прочие сигналы, то есть, прежде всего, паузы, а также явления так называемой неканонической фонетики (ср. Земская 1987, 209; Реформатский 1966 и 1971, 200) и феномены неязыковых знаковых систем.
- (в) С точки зрения частиречной принадлежности различаются союзы, частицы, а также имена собственные при обращении. Несмотря на определенные трудности классификации, критерий (в) представляется мне однозначным и

необходимым при описании.

В настоящей работе в центре внимания стоит лишь рассмотрение критерия (а).

Техника приема и передачи реплик упорядочена законами тексто-построения. Соответствующие сигналы вызывают у нас определенный отклик, также как и любая другая грамматическая и лексическая информация, - о законах функционирования этих сигналов нам известно столько же, сколько о прочих условиях связности текста.

Перед тем, как приступить к дальнейшему изложению, необходимо сделать два вводных замечания. Во-первых, объект моего рассмотрения ограничен только прозаическими текстами, из которых взяты примеры (драматические тексты, как особый вид текстов, исключены из рассмотрения; лирические тексты лишь в порядке исключения содержат диалоги - поэтому эти тексты не представляют для нас интереса). Во-вторых, высказывания рассматриваются здесь исключительно в ракурсе, актуальном для нашей проблематики. Таким образом, из рассмотрения исключены идиостилистические особенности языка отдельных авторов.

В соответствии с принципом кооперации Грайса, один из говорящих в разговоре всегда исходит из того, что второй говорящий воспринимает информацию и сознательно реагирует на нее. Таким образом, реплика сама по себе не указывает на необходимость ответного сигнала, удостоверяющего, что собеседник слушает, она также не включает в себе призыва слушать. Несмотря на это, различные выразители фатической функции весьма часто встречаются в репликах разговорного языка.

Можно было бы предполагать, что существование сигналов, "страхующих" прием сообщения, для диалогов художественной прозы явление нетипичное, однако в действительности они встречаются достаточно часто. В первом романе В.Н. Войновича о солдате Чонкине главный герой начинает разговор с соседом Нюры в фамильярно-непринужденном тоне, для выражения которого используется фатический маркер "слышь":

Чонкин помашет селекционеру рукой:

- Слышь, сосед, здорво!
- Желаю здравствовать, - вежливо ответит сосед.
- Как жизнь? - последует скромный ответ.

Так слово за слово и течет разговор, плавный, непринужденный.

(Войнович 1975, 62 сл.; ср. Шукшин 1982, 261: "Слышь Федька!")

В западной лингвистике существует весьма обширная литература о сигналах планового членения, среди ранних работ надо назвать классификацию их во французском Е.Гюлих (Gülich 1970 - ср. и Rath 1979; Henne/Rehbock 1982; Willkop 1988; Brinker/Sager 1989). Гюлих различает сигналы открывающие, прерывающие и завершающие реплику, аналогичная схема с небольшими вариациями используется авторами многих работ, в том числе и Мазуром в его докторской диссертации о разговорном польском и русском языках (Mazur 1986, 33 сл.). Что касается большого комплекса т.н. ответных сигналов слушателя (Högerrückmeldung), продуктивность которых в русском языке подробно описана Ратмайр (Rathmayr 1985, 183 сл.), то последние служат для выражения согласия, для комментирования предыдущей реплики и т.д. - и поэтому не предполагают открытия слушателем собственной реплики. Такими продуктивными в разговорном языке сигналами, с нашей точки зрения, являются и сигналы, прерывающие реплику.

Среди трех больших групп описанных сигналов планового членения статистический перевес приходится на сигналы, открывающие реплику. В количественном отношении они являются самыми продуктивными в разговорном языке, и, кроме того, хорошо подходят для выражения различных оттенков смысла в языке художественной литературы. Они служат тем типичным средством, с помощью которого характер планового членения в диалогах разговорного языка стилизуется языком художественной литературы. Приведем примеры некоторых продуктивных частиц, которыми открываются реплики действующих лиц в романе В. Шукшина "Я пришел дать вам волю" (Шукшин 1982):

- А я откуда знаю! (96)
- А ты как же убега? (97)
- А ведь это болесть у его, - вздохнул пожилой казак. (98)
- Ну, это не его дело! (257)
- Ну?... К кому шел-то? (258)
- Ну-ка, погрейте его железкой - небось сговорчивей станет. (259)
- Вот вам и грозный атаман! (219)
- Ну вот... А велишь говорить. (231)

Хотя, с одной стороны, открывающая реплику частица является типичным средством, характеризующим разговорный язык, с другой стороны, несмотря на типичность, кажущийся большим набор воз-

можных единиц в действительности ограничен: наибольший вес приходится на универсальную по семантике частицу ну, скрывающую реплику, а также на частицу а, являющуюся маркером последующих высказываний (ср. Rathmayr 1985, 166 сл.).

Разговорный сигнал, знаменующий окончание реплики, напротив, является, как нам представляется, менее типичным для языка художественной литературы, нежели открывающий сигнал. Вместе с тем, имеет место и более тщательная фильтрация существующих средств, поскольку и в разговорном языке появление завершающих реплику сигналов не всегда очевидно. Концовки реплик, оформленные частицами "вот и все", "вот так", "вот и конец" встречаются редко в художественной литературе. Концовочная частица "а?", совмещающая в своем значении "настоятельное требование ответа" и указывающая одновременно на конец темы (turn), является, по существу, нетипичным средством стилизации. Спорадически она встречается у Аксенова в "Звездном билете" (ср. Аксенов 1987, 279: "Может, тебе денег подкинуть, а? - У меня куча денег").

Появление сигналов, прерывающих разговор (ср. Gilich 1970, 164 сл.), мотивировано или "извне", то есть другим говорящим, или же "изнутри", то есть самим говорящим, сообщаящим "информацию в скобках". В случае внешнего источника различие между устной речью и ее литературной стилизацией весьма значительно. Устная речь характеризуется одновременным говорением обоих участников диалога, пока один из них не одержит верх; в письменном тексте подобное невозможно. Можно сказать поэтому, что параллельная речь двух участников не поддается прямой стилизации. Вставки самого говорящего в собственные реплики, оформленные разнообразными оттенками (как языка, так и метаязыка) и выраженные различными категориями слов (об этом см. Hinrichs 1983 и 1991), по нашим наблюдениям, представлены весьма слабо в прозаических текстах. Более точных данных я пока не в состоянии привести.

Несмотря на то, что своим ответным сигналом (*Höferrückmeldung*) слушающий воздерживается от желания взять инициативу разговора на себя и предоставляет говорящему право продолжать, подчеркивая таким образом свою заинтересованность слушать, тем не менее этот сигнал следует рассматривать как средство перебивания (в смысле: кооперативного перебивания). Поэтому мы относим эти, большей частью междумфразовые сигналы, к типу "прерывающих сигналов". Разговорно-языковая палитра реализованных средств и функциональных оттенков (ср. Rathmayr 1985, 183 сл., особенно 196) необычайно разнообразна, - она включает в себя даже модели неканонической

фонетики, описанные Реформатским.

Установлено, что ответные сигналы слушающих довольно часто встречаются в диалогах художественной прозы, хотя чаще не изолированно, а с регулярными дополнениями, выполняющими референциальную функцию; граница между пассивным сигналом слушателя и активным сигналом, демонстрирующим намерение слушающего начать собственную реплику (ср. Henne/Rehbock 1982, 179), очевидно колеблется между двумя полярными видами диалога: "обоюдо-активный диалог" и "односторонне-активный диалог". Столь же подвижной является одновременно граница между собственной репликой и комментарием на чужое высказывание (Höferrückmeldung), выражающим, смотря по ситуации, согласие, вопрос, неприятие и т.д. Простейший вариант ответного сигнала слушающего, представленный моделями "так-с", "ага", "ну-да", "ой-ой-ой" и т.д., не очень типичен для прозаических текстов, особенно в контекстах диалогизированного монолога. Отдельные примеры сигналов, передающих одобрение или согласие ("ага"), которые мы встречаем в частности в "Очереди" В. Сорокина, являются скорее исключением (ср. Сорокин 1985, например 150).

Использование сигналов, выраженных средствами неканонической фонетики, является, на наш взгляд, менее продуктивным в языке художественной литературы, чем можно заключить из указаний некоторых исследователей (ср. Земская 1987, 209; Реформатский 1971, 200). В частности, ответный сигнал, переданный средствами типа "угу", "м-м", "н-н", "цс" (ср. Земская 1987, 209; Rathmayr 1985, 196), мало типичен для прозаических диалогов.

Известные из разговорного языка явления речевых задержек (паузы, паузные вставки) весьма разнообразны по своей категориальной принадлежности (ср. Mazur 1986, 114 сл.): глагольные формы типа "знаешь", "понимаешь" и т.д. служат внутри фразы для выделения фатического компонента; отглагольные частицы типа "значит", "так сказать" (а также "называется") указывают на метаязыковую направленность высказываний; частицы типа "д-а-а-а", "н-у-у-у", "в-о-о-т" выполняют исключительно функцию внутреннего членения текста, отделяя начало поиска средств выражения от момента их нахождения; феномены неканонической фонетики типа "м-м", "н-н", "э-э" указывают на переход к разговорной паузе (в литературном произведении таковая обозначается и точками). Все рассмотренные выше средства отражают психолингвистические задачи носителей языка, связанные с преобразованием "внутренней речи" во "внешнюю речь". Таким образом, утрируя, речь идет об излишних для коммуникации репре-

зентативных средствах языка, от которых письменно фиксированная речь, собственно говоря, могла бы отказаться, если бы разнообразие форм разговорного языка могло передаваться какими-нибудь иными средствами. В разговорно-стилизированных диалогах художественной литературы явления внутрирепликовых задержек, в самом деле, встречаются много реже, чем в устной речи. Следующие цитируемые нами примеры отражают скорее исключительный, нежели обычный случай употребления:

- Илья, знаешь, я женился.
- Поздравляю, свадьба когда? (Аксенов 1987, 288)

- А ты с ним согласен?
- В какой-то мере, понимаешь ли, он прав.
- Ах, ты ... (там же, 292)

- Намучился ты, наверное. Тяжело было?
- Гм ... - отвечал Вася. - Как сказать. Конечно, было довольно холодно. (Тэффи 1952, 18)

- К обеду, я конечно, не спущусь. (.....) Памузов написал ему об обмороке при известии о смерти одного человека. Ну что ж, уеду домой. (.....) (там же, 99)

- Верочка, не сердись! Я же ... как это ... ну, в общем, в первый раз изменяю.
- Все когда-нибудь в первый раз изменяют. Да это вовсе и не измена. (Юмор и сатира 1983, II, 187)

Примеры, демонстрирующие явления неканонической фонетики, весьма редко встречаются в текстах (ср. примеры из "Юмор и сатира" 1983):

- Первый раз слышу такую ... м-м-м ... странную поэму, - сказал папа.
- Кто это написал? (I, 446)

- Позвольте узнать, по чему я вас пропишу? - По этой скатерти или по своему паспорту? Ведь нужно все-таки считаться с положением. Не забывайте, что вы ... Э ... гм ... вы ведь, так сказать, - неожиданно явившееся существо, лабораторное. - Филипп Филиппович говорил все менее уверенно. (I, 218)

- Вот что, э ... - внезапно перебил его Филипп Филиппович, очевидно терзаемый какой-то думой, - нет ли у вас в доме свободной комнаты? Я согласен ее купить. (I, 221)

В прозаических диалогах реальная речевая пауза оформляется отточием (ср. Аксенов 1987, 274):

- А Димка?
- Что Димка? Я любила его. Он моя первая любовь, а сейчас ... другое ... я и он ... Григорий ... и я ...

По сравнению с разговорной устной речью, отточие в письменном тексте полифункционально: с одной стороны, оно служит отметкой реальных речевых пауз, но, в более широком смысле, оно выступает как стилизованный экстракт разговорно-речевых паузных вставок (к которым, в ряду прочих, относятся и сигналы с неканонической фонетикой).

Стоит обратить внимание на то, что отточие служит оптическим средством, при помощи которого происходит членение пространных, почти монологических реплик, н.п. герой Аксенова Димка (там же, 275) реагирует на длинные реплики Гали (многократно прерываемые знаком отточия "...") лишь с помощью короткого ответного сигнала "Эффектно".

4. Произведем некоторые обобщения: Сигналы планового членения (Gliederungssignale) в разговорно окрашенных диалогах русской прозы обнаруживают по частотности их употребления заметные отличия от своих прототипов в устной речи. Феномен внутрифразового и межфразового членения диалогов связан с явными колебаниями по степени продуктивности: так, в прозаических текстах высокопродуктивными являются сигналы, открывающие реплику (включая и их различные комбинации), при этом на первом месте по продуктивности - сигналы "а" и "ну". Таким образом, подводя итог сказанному, можно заключить, что в разговорно-окрашенных диалогах русской прозы превалируют сигналы, открывающие реплику, - иными словами, стилизация определеннее всего проявляется в начале реплики и "затухает" к концу ее.

Литература

- В. Аксенов, *Собрание сочинений. I*. Ann Arbor 1987.
- С.С. Беркнер, К вопросу о трансформации устно-разговорного текста в письменно-разговорный (на мат. английского языка). *Лингвистика текста. I*. Москва 1974, 45-50.
- В.В. Виноградов, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Москва 1963.
- В.Н. Войнович, *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*. Paris 1975.
- А.П. Журавлев, О некоторых отличиях живой разговорной речи от стилизованной. *Русская разговорная речь*. Саратов 1970, 176-184.
- Е.А. Земская (отв. ред.), *Русская разговорная речь*. Москва 1973.
- Е.А. Земская, *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва 1987 (2-е изд.).
- Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе (отв. ред.), *Русская разговорная речь - Тексты*. Москва 1978.
- Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев, *Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования. Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. Москва 1988, 121-152.
- К. Кожевникова, *Спонтанная устная речь в эпической прозе*. Прага 1970.
- А.А. Леонтьев, Признаки связности и цельности текста. *Лингвистика текста*. Москва 1976, 60-70.
- Е.В. Падучева, Прагматические аспекты связности диалога. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка* 41 (1982), 305-313.
- А.А. Реформатский, Неканоничная фонетика. *Развитие фонетики современного русского языка*. Москва 1966, 96-109.

- А.А. Реформатский, Слоговые согласные в русском языке. *Развитие фонетики современного русского языка. (2)*. Москва 1971, 200-208.
- В. Сорокин, *Очередь*. Paris 1985.
- Н.А. Тэффи, *Земная радуга*. New York 1952.
- В. Шукшин, *Я пришел дать вам волю*. Москва 1982.
- Л.В. Щерба, *Восточнолужицкое наречие. Der ostniedersorbische Dialekt*. Bautzen 1973 (= Петроград 1915).
- Юмор и сатира послереволюционной России. I-II*. London 1983.
- Л.П. Якубинский, *Избранные работы. Язык и его функционирование*. Москва 1986, 17-58.
- K. Brinker, S.F. Sager, *Linguistische Gesprächsanalyse*. Berlin 1989.
- R. Conrad, *Studien zur Syntax und Semantik von Frage und Antwort*. Berlin 1978,
- M. Grau, *Untersuchungen zur Entwicklung von Sprache und Text bei M.M. Zoščenko. Dargestellt an Kurzgeschichten der 20er Jahre*. München 1988 (= *Specimina philologiae Slavicae. Supplementband 25*).
- H.P. Grice, *Logik und Gesprächsanalyse. Sprechakttheorie*. Wiesbaden 1980, 109-126 (= *Schwerpunkte Linguistik und Kommunikationswissenschaft 17*).
- E. Gülich, *Makrosyntax der Gliederungssignale im gesprochenen Französisch*. München 1970 (= *Structura 2*).
- G. Helbig, W.Kötz, *Die Partikeln*. Leipzig 1985.
- H. Henne, H. Rehbock, *Einführung in die Gesprächsanalyse*. Berlin etc. 1982 (2-е изд.).

- U. Hinrichs, *Die sog. "vvodnye slova" (Schaltwörter/Modalwörter) im Russischen. Eine sagenanalytische Untersuchung.* Berlin 1983 (= *Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der FU Berlin 53*).
- U. Hinrichs, .. Ovaj .. Der Pausenfüller im Serbokroatischen. *Zeitschrift für Balkanologie 25 (1989)*, 131-139.
- U. Hinrichs, *Linguistik des Hörens. Hörverstehen und Metakommunikation im Russischen.* Wiesbaden 1991 (= *Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der FU Berlin 72*).
- J. Hoffmannová, Typen der Konnektoren und deren Anteil an der Organisation des Textes. *Linguistica X. Praha 1984*, 101-140.
- R. Jakobson, *Linguistics and Poetics. Style in Language.* New York etc. 1960, 350-377.
- R. Lachmann, *Gedächtnis und Literatur.* Frankfurt am Main 1990.
- J. Mazur, *Organizacja tekstu potocznego. Na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego.* Lublin 1986.
- O. Müllerová, *Komunikativní složky výstavby dialogického textu.* Praha 1979.
- J. Mukařovský, *Kapitoly z české poetiky. I.* Praha 1948.
- K. Pisarkowa, *Składnia rozmowy telefonicznej.* Wrocław etc. 1975.
- R. Rath, *Kommunikationspraxis.* Göttingen 1979.
- R. Rathmayr, *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme.* München 1985 (= *Slavistische Beiträge 187*).
- K.P. Schneider, *Small Talk. Analysing Phatic Discourse.* Marburg 1988 (= *Sprachwissenschaftliche Reihe/Linguistic Series 1*).
- Texte gesprochener deutscher Standardsprache. I.* München 1978 (2-е изд.).
- A.N. Vasilyeva, *Particles in Colloquial Russian.* Москва (без года).

E.-M. Willkop, *Gliederungspartikeln im Dialog*. München 1988.

O.T. Yokoyama, *Discourse and Word Order*. Amsterdam etc. 1986.

Разговорные сигналы начала коммуникации в диалогах художественной литературы (на материале нарративной прозы)

1. Тема работы требует короткого введения в круг проблем, уже обсуждавшихся в вышедшей научной литературе, часть из них специально рассматривалась в нескольких теоретических работах.

Прежде всего, необходимо определить понятие "начальный сигнал". При построении классификации следует отличать "начальный сигнал" от других сигналов, которые участвуют в создании коммуникативной структуры предложения и указывают на текстолингвистические особенности диалога, отражая порядок следования реплик. Это и есть тот существенный критерий, который отличает диалог от монолога.

Кроме того, важно определить, к какой лексикосемантической категории относится тот или иной "начальный сигнал". Тем самым, нами намечена здесь вторая проблема: насколько сигналы планового членения, помимо функции текстового упорядочения, являются соотносимыми с известными нам частями речи или родственными им категориями языка и не ведет ли выполняемая ими текстолингвистическая функция к изменению значения и сферы их употребления по сравнению с их значением в монологической речи. Иначе говоря, требуется разрешить вопрос о полифункциональности описанных языковых знаков.

Второй раздел, требующий освещения, связан с понятиями "разговорный язык" и "художественная литература". На первый план здесь выходит проблема сопоставления разговорного языка (как инварианта разговорной речи) и стилизованной разговорной речи, в том виде в каком его воссоздает художественная литература. Необходимо указать на общее и на различия между обеими формами реализации одной системы. Специфика различия объясняется противоположностью двух организующих факторов: с одной стороны, это говорящий как некая идиолектальная инстанция (предмет, которым надлежит заниматься идиостилистике), с другой стороны, это беллетристический текст, предполагающий художественную обработку языковых вариантов (т.е., предмет, интересующий жанровую стилистику и отчасти диахронную стилистику).

Независимо от степени изученности приведенных выше понятий, можно полагать, что тема настоящей работы еще не раз вызовет интерес у будущих исследователей. Е.А. Земская и Е.Н. Ширяев в работе (1988) обозначили те направления, которые предстоит разрабатывать в будущем специалистам по разговорному русскому языку (Земская/Ширяев 1988, 143 сл.). Последнее место (что совсем не

говорит о малой важности темы) отведено проблеме изучения отношений разговорного языка и поэтической речи (там же, 150 сл.), выяснению их сходств и различий.

При этом подчеркивается, что исследования по современному разговорному языку не могут опираться на материал художественных текстов, даже если доля стилизованных разговорных элементов в них высока.

2. Диалог и монолог представляют собой элементарные действия, из которых складывается "социально-речевое общение" (Виноградов 1963, 18), таким образом, они так или иначе соотносятся с внеязыковой реальностью (Mukařovský 1948, 121 сл. и 129 сл.). Референциальная функция (в значении, описанном Якобсоном 1979, 94 сл.) реализуется сходным образом в обоих действиях. Различным, однако, является количество участников и, вместе с тем, число возможных смен очередных реплик, в связи с этим по-разному реализуется эмотивная функция, соотношенная с говорящим, конативная функция, связанная со слушающим (ср. там же, 94) и, в особенности, фатическая функция, которая служит непосредственно для поддержания речевого контакта и в этой роли способна оттеснить на второй план даже референциальную функцию диалога, н.п. в т.н. "small talk" (ср. Schneider 1988).

Понятием "начальный сигнал" мы обозначаем здесь эксплицитно выраженное начало очередного "шага" в разговоре (начало темы (turn) или реплики), таким образом, под "начальным сигналом" мы понимаем не только тот сигнал, которым непосредственно открывается весь диалог или монолог. Это был бы лишь частный случай, в котором реализуется более широкое понятие "начальный сигнал". Сходным образом определяется нами понятие "конечного сигнала": здесь рассматривается, с одной стороны, конец реплики, за которым следует очередная смена говорящих, и, с другой стороны, окончание последней реплики в диалоге (иногда и в монологе).

Таким образом, "начальные сигналы" в нашем понимании являются сигналами перехвата речевой инициативы (сходно интерпретирует явление Willkop 1988, 41): "Redeübernahmesignale sind in der deutschen gesprochenen Sprache häufig festzustellen. (...) Bei einem delegierten Sprecherwechsel finden sich verbale Übernahmesignale wie *ja also, nun* und *ja, nein, eben, gut, auch, naja, hör mal* oder auch direkte Anreden. Diese Redemittel können auch in Kombinationen, vorzugsweise mit *ja*, auftreten." Речевые сигналы весьма часто сопровождаются невербальными показателями начала беседы, последние были описаны в работе Duncan/

Niederehe 1974, 239 (к ним относятся соответствующие движения головой, вздохи, жестикация, повышение голоса и т.д.). Неречевые сигналы, разумеется, не могут участвовать в построении диалогов художественной литературы, если автор специально не указывает на их коммуникативную значимость.

Список лексем, который приводит Вилькоп, обнаруживает трудность классификации начальных сигналов. Элементы списка могут функционировать также как сигналы слушающего, указывающие на прием чужого сообщения, а не на начало собственной реплики. Даже те сигналы, которые исключительно подчеркивают роль говорящего в диалоге (т.е. одновременно препятствуют перехвату речевой инициативы собеседником), обнаруживают совпадения с другими функциональными средствами. Из этого следует, что точное определение функции речевых сигналов не может опираться на традиционную классификацию; эти классы можно описывать скорее на функциональном уровне:

1. сигналы, подчеркивающие инициативу говорящего
2. сигналы передачи речевой инициативы
3. сигналы перехвата речевой инициативы
4. ответные сигналы слушающего.

Для всех этих классов релевантно различие вербальных и невербальных сигналов. Два первых класса связаны с ролью говорящего в диалоге, два последних - с ролью слушающего, в связи с этим можно говорить о различии "комплекса сигналов говорящего" и "комплекса сигналов слушающего" (Willkop 1988, 36-40). Начальные сигналы (в нашем понимании термина) соответствуют третьему функциональному классу.

3. Проблема классификации сигналов планового членения, а также начальных сигналов, связана с выделением характеризующих признаков диалога. Эти признаки формируют функциональные критерии, регулирующие поведение различных типов слов в диалоге.

Исходя из "кооперационного" принципа Грайса (Grice 1980, 113), мы рассматриваем диалогические реплики как кооперативные действия. Принцип кооперации предполагает соотнесение целей реплики и речевой ситуации в целом с т.н. "постулатами", т.е. с содержанием информации (качеством), истинностью информации (количеством), релевантностью (отношением) и однозначностью (способом). Ответ-

ный сигнал слушающего, как и начальный сигнал говорящего, обозначающий "перехват" речевой инициативы, подчеркивают готовность обоих собеседников к кооперации (готовность вести диалог).

Переходы между отдельными репликами демонстрируют специфическую внутритекстовую взаимную соотнесенность элементов в диалоге (связность), во многом сходную с соотнесенностью элементов в недиалогических текстах. Однако, в отличие от монологических и описательных текстов, в диалоге на первый план выступает прагматическая функция (на эту особенность указывает Падучева 1982, 306), ответный сигнал слушающего, как и запрограммированная (или вынужденная) смена реплик, представляют собой действия,

- к которым можно призвать собеседника
- о которых можно попросить собеседника
- которые вызывают ответные действия и т.д. и т.п.

Диалоги являются по сути первичными (фундаментальными) структурами в терминах Якубинского (Якубинский 1986). Как тексты они берут начало в устной речи и таким образом являются спонтанными неподготовленными действиями, происходящими в неофициальной ситуации (они подпадают под определение разговорной речи - ср. Русская разговорная речь 1973, 5 сл.; Русская разговорная речь. Тексты 1978). Как тексты, диалоги обнаруживают признаки "ragole", включая избыточность языкового выражения, неточность, заикание, повторы, оговорки и т.д. (мы не обсуждаем здесь вопрос о системности разговорного языка). Как следствие описанных выше явлений, на практике встает проблема лингвистической записи устных текстов: весьма часто используется упрощенная нотация (ср. н.п. Pisarkowa 1975).

4. Как вербальные сигналы планового членения ниже описываются сигналы, регламентирующие порядок следования реплик, т.е. их смену и пропуски. Сказанное не означает, что сигналы планового членения автоматически теряют в тексте семантические признаки; конкретнее:

- а) до известной степени сигналы планового членения выдерживают семантическое описание. Так, русская фатическая частица *СЛЫШЬ*, используемая в функции начального сигнала, не теряет и своей более или менее регулярной семантики: значение частицы соотносимо со значением глагола *СЛЫШАТЬ*.

- б) Сигналы планового членения допускают парадигматическое описание: так, уже упоминавшаяся выше частица *СЛЫШЬ* является примером большей употребительности определенных грамматических форм в парадигме слова (в данном случае речь идет о форме императива от глагола *СЛЫШАТЬ*). Язык не случайно использует форму императива 2-го лица ед. числа для реализации соответствующего иллокутивного акта.
- в) Сигналы планового членения могут классифицироваться как части речи - как правило, единицы такого рода определяются как служебные части речи. Общепринятым является их представление как частиц (ср. *да, нет, вот, ну вот* и т.д.). Конечный сигнал *вот и конец* интерпретируется как парадигматическая форма существительного *конец*, - очевидна ее соотносительность с выражениями *вот и все* или *вот так*.

Хотя различные способы описания рассматриваемых нами языковых средств и являются принципиально возможными, их текстолингвистическая функция оттесняет на второй план прочие классификационные критерии. Так, частотный в русском языке начальный сигнал *а*, очевидно, не имеет в ряде случаев прямого отношения к союзу *а* и, таким образом, его рассмотрение как сигнала планового членения, является наиболее целесообразным.

Если речь идет о конечном сигнале *а?*, при помощи которого говорящий вынуждает собеседника к ответу, то противопоставление союза и частицы вообще невозможно здесь иначе, как на интуитивном уровне.

5. Второй раздел, требующий освещения, связан с взаимоотношениями устной разговорной речи и способов ее стилизации в художественной литературе. Литературная обработка разговорной речи имеет ряд важных особенностей. С одной стороны, оба явления содержат существенные различия, которые определяются тем, что переход от устной речи к письменной речи сопровождается выпадением большого числа релевантных признаков; начиная с банальной ограниченности возможных средств фиксации звуков и звуковых комплексов и кончая невозможностью отобразить в тексте художественной литературы параллельную речь говорящих. Тем не менее, мы так или иначе способны обнаружить признаки разговорной речи в текстах определенного жанра. Виноградов 1963, 17, говорит в настоящей связи о т.н. симптомах разговорного языка, имея в виду не копирование устной речи письменным текстом, а их лингвистическое родство, или взаимо-

влияние. Виноградов говорит о "миграции" естественной устной речи в литературную форму.

Беркнер 1974, 46, обозначил это явление термином "коммуникативная концентрация" литературно обработанной устной речи. Типичные признаки устной речи сохраняются при их трансформации в литературный текст, типичные, однако далеко не все. Многие свойства устной речи, ведущие к задержке вымышленного художественного действия (ненужные повторы, неупорядоченные нелогичные высказывания, неясная артикуляция и т.д.; ср. там же 47) элиминируются в письменном тексте. К. Кожевникова справедливо указывала на то, что передача устной речи в эпической прозе ("прием репродукции") создает иллюзию подлинности благодаря тому, что персонаж, о котором идет речь, является не реальным, а вымышленным (Koževníková 1970, 147).

Из этого следует, что литературно обработанная устная речь является, вместе с другими языковыми средствами, частью процесса "эвокации": стилизованный под разговорную речь диалог служит автору в первую очередь средством художественной выразительности, а не методом имитации или репродукции той или иной разновидности устной речи. Устную и литературно обработанную разговорную речь мы определяем в терминах формальной однонаправленной интертекстуальности. Обратная направленность зависимости возможна лишь в случае цитирования.

6. Сигналы планового членения, связанные с фатической функцией диалога, формируют одновременно упорядоченность его строения. Грайсовский принцип кооперации позволяет, с нашей точки зрения, предположить следующее: начальные сигналы указывают на перехват речевой инициативы также внутри текстового единства, т.е. текст первого говорящего рассматривается вторым говорящим как "предтекст": его продолжают, на него ссылаются, его комментируют.

Таким образом, реплики в диалоге как семантически, так и синтаксически достраивают предыдущие реплики; исключение из этой модели может являть случай умышленного или непроизвольного говорения, без внимания к реплике собеседника (этот случай здесь не рассматривается). Тот факт, что действие законов текстовой связности распространяется прежде всего на диалоги с заданным собеседником, является скрытой причиной того, что данный тип текстов доминирует в художественной литературе над текстами, отражающими самовольный перехват речевой инициативы. Понятие "начальный сигнал" указывает, как отмечалось выше, на маркированное начало диалогиче-

ской реплики и одновременно на начало коммуникативного действия в широком смысле слова (я говорю...). Перехват речевой инициативы оформляется особым сигналом, занимающим начальную позицию в высказывании. Ответный сигнал слушающего демонстрирует иной вид отношений: право на речевую инициативу не переходит к собеседнику и не оспаривается им, речь идет исключительно о намерении перебить говорившего (Gülich 1970; Mazur 1986; Rathmayr 1985). Примечательно однако, что ответный сигнал слушающего, распространенный в устной разговорной речи, обнаруживает ограниченное употребление в прозаических текстах художественной литературы (данные проверялись нами на материале нарративной прозы). Однословный ответный сигнал слушающего представляет собой слегка стилизованный прием, используемый в исследованных нами текстах русской литературы, текстах, имеющих разговорную направленность.

Односторонний диалог, очевидно, менее пригоден для стилизации, нежели обоюдодоактивный диалог. Этот вывод распространяется также на явления так называемой неканонической фонетики, характеризующие ответные сигналы слушающего в устной разговорной речи (ср. н.п. *угу*, *м-м*, *н-н*, *цс* и т.д.; Реформатский 1966, 200; Земская 1987, 209; Rathmayr 1985, 196).

7. В качестве примеров здесь используется материал художественных текстов на различных славянских языках, большей частью на русском языке (мы ограничились здесь произведениями нарративной прозы). Условием отбора была принадлежность текстов (по крайней мере принадлежность диалогов) к стилю разговорной речи. Действительное наличие элементов разговорного стиля в отобранных текстах, с нашей точки зрения, не требует доказательства. Такое доказательство легко можно построить на основании специфических особенностей лексики и грамматики.

Основные положения работы формулируются далее в виде тезисов, тезисы одинаково релевантны как в отношении лингвистических категорий, так и в отношении категорий стилистики литературных текстов.

8. Первый тезис: разговорные сигналы планового членения используются в художественных диалогических текстах нарративной прозы главным образом в функции "начальных сигналов". Преобладание именно данной функции связано в значительной степени с ограниченным употреблением в текстах других средств планового членения: так, использование "конечных сигналов", оформляющих естественную

смену реплик в стилизованных под разговорную речь диалогах (типа *вот так, вот и все* и т.д.), не имеет функциональной значимости, как и использование кратких сигналов, регистрирующих реакцию слушающего. Ослабленный ответный сигнал слушающего, оформленный словами как *так-с, ага, а-а, ну-да, ой-ой* и указывающий на пассивную роль собеседника в диалоге, также не является типичным и встречается эпизодически (ср. у Сорокина 1985 соответствующее значение частицы *ага*). Вывод распространяется также на ответные сигналы слушающего, выраженные средствами неканонической фонетики, типа *м-м, н-н, ус, угу* (Реформатский 1966, 200; Земская 1987, 209; Rathmayr 1985, 196).

Причины этого явления можно установить лишь гипотетически: с одной стороны, граница между разговорным и просторечным характером ряда частиц является размытой, ввиду чего авторы вообще избегают употребления этих частиц, с другой стороны, односторонне активный диалог не является продуктивным художественным средством в нарративной прозе, в связи с этим менее частотны факты его стилизации. Прозаический диалог, как правило, является обоюдно активным или даже полиактивным диалогом.

9. Наш второй тезис: способы перехвата речевой инициативы, которые оформляются начальными сигналами разговорного характера, могут различаться по их функции в диалоге. Далее пойдет речь о "фатических субфункциях". Так, в наиболее обобщенной субфункции выступает частица *ну*, открывающая диалог. Мы приводим пример из рассказа "Счастливая Ньюра" М.И. Юфит:

Потом к ней заглядывает Верочка. Она обожает слушать бесконечные Ньюрины рассказы и, моя руки, как ни в чем не бывало спрашивает:
 - Ну, кого зарезали, кого убили?
 Но Ньюра не дает себя отвлечь.
 (.....) (Юфит 1990, 472)

Вторая субфункция связана с передачей и приемом права на речевое действие: в рассматриваемом нами случае говорящий отказывается сознательно от своего права говорить и оформляет этот отказ определенными языковыми средствами. Отказ передается слушающему в форме вопроса, при чем последний не может уклониться от ответа, не нарушив принципа кооперации. В начале ответной реплики в русском языке, как правило, употребляется частица *ну*. В приводимом нами примере из романа В. Шукшина вопрос предопределяет смену речевой инициативы:

- Так чего же он терпит там! Все силы небесные в кулаке держит, а на земле - бестолочь несусветная. Эти лоботрясы - с молитвами, а тут - кто кого сгреб, тот того и... Куда ж он смотрит? Нет уж, тут и понимать нечего: не то чего-то... Не так. Кто же людям поможет-то? Царь?
- Ну, это не его дело! (.....) (Шукшин 1982, 257)

Третья фатическая субфункция связана с ситуацией перебивания собеседника. Перебивающий при этом преследует цель перехвата речевой инициативы. Этот перехват часто сопровождается соответствующим жестом. Третья субфункция весьма характерна для разговорной речи. Чаще всего она связана с контекстом параллельного говорения. Параллельное говорение редко передается в литературной прозе. Причина этого, вероятно, кроется в том, что оно, в принципе, плохо поддается стилизации. Писатели редко позволяют своим героям перебивать друг друга в середине беседы, т.е. в ситуации, когда нормальным образом должен происходить перехват речевой инициативы. В литературе перебивание речевого партнера обычно происходит, если не в конце предложения, то, по крайней мере, в конце завершенной синтагмы (ср. однако: Соловьева в своей работе 1965 приводит многочисленные примеры противоположного содержания). Даже если очевидно, что рассматриваемая фатическая субфункция не часто встречается в литературе (хотя она, безусловно, продуктивна в устной разговорной речи), мы не можем исключить ее из рассмотрения как нераспространенную.

Существуют две принципиальные возможности передачи момента смены реплик в контексте перебивания одного собеседника другим. Первая из них предполагает называние имени партнера. Имя в таком контексте играет роль вокативного начального сигнала. Вторая возможность заключается в использовании говорящим особого языкового средства: мы будем называть его "перебивающим сигналом". Как называние имени, так и перебивающий сигнал, указывают на заинтересованность говорящего в перехвате речевой инициативы. Однако, данная заинтересованность может интерпретироваться по-разному. В первом случае апеллятивная функция имени подчеркивает значимость фатического контакта с собеседником (Jakobson 1979, 94). Во втором случае перебивающий сигнал не связан с установкой на контакт. Речевой партнер тем не менее вынужден согласиться на смены реплик, так как, в противном случае, он рискует нарушить правила кооперации (по Грайсу). В этом случае перебиваемый речевой партнер исходит из того, что после смены реплик собеседник намерен внести определенные добавления и изменения в текст, опираясь при этом на правила качества, количества и отношения.

Функционально перебивающий сигнал имеет три маркированных признака: Во-первых, он несет фатическую нагрузку - на вербальном уровне препятствует продолжению речи собеседника. Во-вторых, он имеет референциальную отнесенность - указывает на желание одного собеседника противоречить мнению другого. В-третьих, перебивающий сигнал передает экспрессивный характер начала реплики (т.е. выполняет эмотивную функцию, ср. Jakobson 1979, 88). Называние имени собеседника имеет конативную функцию. В начальном перебивающем сигнале реализуются, *summa summagum*, четыре из описанных Якобсоном функций (там же, 94). Три из них (важнейшие) демонстрируются нами на примере шукшинского диалога (Шукшин 1982, 7).

- (.....) - А то болтают, што он у тя не простой, а вроде на ем шерсть...
 - Язык - это што! - сказал Стырь и потянул саблю из ножен. - Я лучше тебе вот эту ляльку покажу...
 - *Хватит!* - зыкнул Черноярец, первый есаул. - Кобели. Обои языкастые. Дело говорить, а они тут...
 - *Но у его все равно длинней*, - ввернул напоследок Кондрат и отошел на всякий случай от старика.
 - Говори, Федор, - велел Степан. - Говори, чего начал-то.
 - К Теркам надо, братцы! Верное дело. Пропадем мы тут. А уж там...
 - *Добро-то* куда там деваем?! - спросили громко.
 - Перезимуем, а по весне...
 - *Не надо!* - закричали многие. - Два года дома не были!
 - Я уж забыл, как баба пахнет.
 - Молоком, как...
 Стырь отстегнул саблю и бросил ее на землю.

Немецкая версия данного отрывка цитируется нами по переводу Томаса Решеке (Schukschin 1980, 10 сл.).

- (.....) "Die Leute reden ja schon, daß du keine gewöhnliche Zunge hast, sondern voll Haare..."
 "Die Zunge, was is das schon", Styr zog den Säbel aus der Scheide. "Ich zeig dir lieber das Spielzeug..."
 "Schluß jetzt!" brüllte Iwan Tschernojarez, der erste Jessaul. "Hunde! ne haarige Zunge habt ihr einer wie der andre. Hier geht's um die Sache, und ihr..."
 "Aber seine is trotzdem länger", Kondrat mußte das letzte Wort haben; für alle Fälle trat er weg von dem Alten.
 "Red, Fjodor", gebot Stepan. "Hast angefang, red weiter."
 "Nach Tjorki müssen wir, Brüder! Das ist sicherer. Hier gehn wir drauf. Dort aber..."
 "Und wo bleiben wir mit dem Kram?" wurde laut gefragt. "Wir überwintern, und im Frühling..."

"Wozu!" schrien viele. "Zwei Jahre warn wir nich zu Haus..."

"Ich hab schon vergessen, wie n Weib riecht."

"Nach Milch, genau wie..."

Styr schnallte den Säbel ab und warf ihn zu Boden.

К перебивающим сигналам можно отнести выражения *хватит, но, добро-то, не (надо)*. Не все они являются разговорными средствами выражения, однако в диалоге эти элементы создают некий разговорный колорит.

Тексты, содержащие перебивающие сигналы, как уже отмечалось, не часто встречаются в беллетристических произведениях (ср. однако выводы Соловьевой 1965). Это наблюдение позволяет нам перейти к четвертой продуктивной функции начальных сигналов. Мы определим ее как субфункцию "естественной речевой очередности". Такая очередность не связана ни с мотивировкой (разрешением) со стороны говорящего, ни с самовольным (часто вынуждаемым) перехватом речевой инициативы со стороны слушающего. Диалоги такого рода являются в высшей степени кооперативными, в том смысле, что беседа естественно продвигается вперед в референциальном смысле. Неудивительно, что в рамках рассмотренной субфункции преобладает "мягкое" включение начальных сигналов в ткань диалога; на основании того, что процент случаев "мягкого" включения весьма высок в художественной литературе, можно заключить, что именно такой тип стилизации разговорных языковых средств является наиболее очевидным и характерным.

В статистическом отношении наиболее продуктивным маркером данной функции является русская частица *а*. Р. Ратмайер в своей работе отмечает, что "основная функция частицы *а* в настоящей позиции (имеется в виду начало вопросов, Г.Ф.) состоит в организации мягкого включения реплик" (Rathmayr 1985, 169; ср. также 1989, 20). Дискуссионным остается вопрос, насколько "мягкое включение" связано с нейтрализацией противопоставления (Rathmayr 1989, 20). (Ср. в связи с этим наши наблюдения ниже.)

Не подлежит сомнению, что частица *а* часто используется как начальный сигнал в устной разговорной речи. Это явление подробно описано в вышедшей научной литературе (ср. н.п. Mazur 1986, 66 сл.; Vasilyeva без года, 151 сл.; Шведова 1960, 324 сл., а также Русская разговорная речь. Тексты 1978).

Аналогичное явление встречается и в диалогах нарративной прозы. Для иллюстрации достаточно одного приводимого нами примера из рассказа "Метод индукции" М.И. Юфит:

- Вскоре Самарин погасил свет, в комнате стихло. И вдруг он сказал:
- Меня давно уже никто по имени не называл. Все по фамилии - Самарин - или лейтенант. А чтобы Колей - нет, никто...
 - А эта вот, на портрете, Люся... разве не называла?
 - Люся? А вы ее знаете?
 - Все-таки тесно на земном шаре, - сказал Абрамов. - Случайно знаю... Мать ее в нашем доме живет. Если Люся такая же, как девочкой была...
 - А что? Разве плохая?
 - Не то чтобы плохая, а какая-то нетерпеливая.
- (Юфит 1990, 260)

Между типами употребления частицы *a* в устной и письменной разговорной речи нами не обнаружено категориальных различий. Что касается проблемы конкуренции текстолингвистической и синтаксической функции частицы *a* (ср. Rathmayr 1985, 170, примеч. 16; Шведова 1960, 324 говорит в данном контексте о "союзной частице"), то данная проблема будет специально рассмотрена ниже в рамках следующего тезиса.

Употребление частицы *a* в функции начального сигнала продуктивно не только в русском, но и в польском языке (о ее употреблении в устной разговорной речи ср. Mazur 1986, 42 и Pisarkowa 1975, 165 сл.), сходные модели употребления демонстрирует чешский язык (ср. Müllerová 1979, 122 сл.). Опыты стилизации разговорных диалогов в художественной прозе неизбежно связаны с использованием частицы *a* (хотя частота употребления может быть ниже в других славянских языках, по сравнению с русским языком). Рассказ "Trzech w linii prostej" открывается следующим диалогом, в котором *a*, как и в русском языке, служит средством введения вопросительных и повествовательных предложений:

Znaną sobie ze sprawy stację, a właściwie ziemiankę, odnaleźli bez większych kłopotów . Przed wejściem rozkopanym jak właz do kopca kartofli siedziała stara kobieta, karmiąc z butelki niemowlę. Jerzman pozdrowił ją grzecznie. Burknęła coś niewyraźnie. Spytał o dróżnika.

- A Bóg go wie - wzruszyła ramionami, ukradkiem lustrując wzrokiem samochód i nieruchomego sierżanta na tylnym siedzeniu.

- To poczekam. - Jerzman usiadł na wydeptanej trawie. Przed oczami miał babę, za nią czarny loch ziemianki; dalej tor... Rozglądał się, chcąc wzrokiem odnaleźć znajomą brzozę ze sprawy. Brzóz było sporo.

- A wyście są może Józefka? - zapytał znienacka.

- A co ja mam to tego? - warknęła wrogo, podciągając dzieciaka wyżej na kolanach.

- Do czego? - spytał Jerzman.

- A do niego. Mieszka, to mieszka. Urzędnik jest na kolei, a ja na chłopka.
 - A ja nie o dróżnika chcę pytać, ale o Franka Paconia, co z wojska uciekł.
- (Bratny 1970, 21 сл.)

Соответствующий чешский пример цитируется из текста нового рассказа Ненадаля "Bonbóny pro Marcela". Автор оригинально стилизует здесь особенности чешской разговорной речи:

Ticho. Je slyšet jen šmikání nůzek.

"Liduško, aby ti to nebylo líto, no, já nevím, ale když jsi měla ty narozeniny: Víš, chlapi - chlapi jsou báječný. Něžný. To se jen zdají takový sprostý a drsný. Jsou roztomilí jako malí kluci. Dovedou se smát, že by je člověk miloval k smrti. A když člověka stisknou, jéje. Na svět zapomeneš, na všecko, šla bys nima - já nevím, třeba skočit do Macochy. To je nebe. Velká seš už dost: ty dovedou milovat!"

"A ten můj táta doved? Říkalas vždycky, že doved. Byla to pravda?"

"Doved."

"A vyprávěj mi, jak ti zpíval tu písničku."

"Ale jdi! Dyt' už to znáš. To byla taková písnička za protektorátu, trampská, moc se spívala: Tam nad řekou je chata malá a v ní jen jedno okénko - "

" - a tam ses na mě usmívala, má modrooká panenka!"

(.....)

"A eště mi vykládej, jak tě máma, teda babička, chtěla zabít!"

"No jo, říkala, že mě zabije, když jsem jí to řekla."

"A mami, kdy ses dověděla to s tou mou nohou?"

(.....)

(Nenadál 1990, 17)

В качестве комментария отметим, что системное назначение чешской частикулы *a* иное, нежели в русском и польском. Если существует системное парадигматическое отношение между начальной частицей и начальным союзом (а мы исходим из презумпции существования такого отношения; оно определяет ряд закономерностей в употреблении союзов и частиц, часть этих закономерностей является продуктом языковой истории) - то для чешского языка можно констатировать относительную нетипичность семантического компонента "противопоставление" в рамках потенциально мыслимой оппозиции: союз *a* - частица *a*. Как правило, частица *a* имеет соединительное значение *и* и лишь в порядке исключения - ослабленную противительную семантику.

В русском языке, особенно в текстах художественной литературы, разговорная окрашенность начального сигнала *a* доминирует над прочими элементами созначения. В связи с этим данная частица рассматривается как средство стилизованного изображения момента

естественной смены реплик в устных диалогах. Польский и чешский демонстрируют иной характер отношений.

Очевидно, что в польском спектр продуктивных начальных сигналов намного шире. Среди прочих особенно часто используются частицы *no*, *ale(ż)*, *i*, *więc* (ср. Bratny 1970). Нам представляется, что польский язык тем самым располагает более широкой базой для стилизации разговорного языка. Перечисленные нами польские частицы действительно часто встречаются в разговорной польской речи (ср. Mazur 1986, 46 сл. и Pisarkowa 1975, 165 сл.). Тот же вывод можно сделать и относительно чешского языка, в котором, кроме *a*, продуктивны также следующие сигналы начала: *ale*, *to*, *no* (ср. Nenadál 1990). Отталкиваясь от сделанного выше наблюдения, перейдем к следующему тезису.

10. В начале статьи нами был поставлен вопрос о правомерности отождествления понятий "начальный сигнал" и "лексико-семантическая категория". Иными словами, неясно, как следует определять отношение в парадигме, в которой, с одной стороны, расположены сигналы планового членения как текстолингвистические единицы, с другой - единицы лексики и грамматики, совпадающие с первыми на фонологическом и фонетическом уровнях. В конечном итоге решения требует следующий вопрос: реализуется ли в обсуждаемых языковых элементах двойная функция (текстолингвистическая в сочетании с синтаксической или морфологической) или же изначально целесообразно рассматривать две единицы, различающиеся функционально (исторически данное явление может толковаться как распад полисемии и полифункциональности).

Понятие "союзной частицы", используемое Шведовой 1960, 324 сл., на терминологическом уровне отвечает специфике нашей проблематики. Данная проблематика охватывает значительное число начальных сигналов, выраженных частицами. Определим ее конкретнее: возможно ли, что начальный сигнал *a* совпадает на синхронном семантическом уровне с союзом *a* или невозможно? Проблема различения функций *a* тесно связана с другой проблемой: существует ли частица, которая служит исключительно средством текстолингвистического членения текста, не имея при этом никакого иного морфологического, синтаксического или лексического значения?

Прежде, чем подойти к решению поставленных вопросов и тем самым сформулировать наш следующий тезис, сделаем еще одно столь же тривиальное, сколь важное наблюдение: предложения живого языка должны начинаться с определенного речевого сигнала,

выраженного той или иной грамматической или лексической единицей. Для этой роли одни языковые средства подходят лучше, другие хуже. В связи с этим, казалось бы, существование специальной категории "начальная частица", "начальный сигнал" и т.п. для обозначения функции планового членения является очевидной аксиомой. Актуальность этой категории подтверждается данными истории языка. Здесь стоит вспомнить о явлении десемантизации, т.е. употреблении языковых средств, утративших исконные семантические и грамматические функции. В качестве примеров могут быть названы десемантизированные глаголы - связки в составе сложных сказуемых, семантически неадекватные падежные формы после ряда предлогов, а также слова с утраченной формальной семантикой - грамматическим значением -, н.п. русская частица *ведь* (ср. др.-рус./староболг. *vědъ*, где мы наблюдаем остатки индогерманского перфекта с медиальным значением; ср. Vasmer 1953, 177). Приведем ряд примеров из класса слов, демонстрирующих утрату первоначального значения (чеш. *hle/hele*, словац. *hl'a*, словен. *vem/ven*, польск. *bowiem*, ср. *Etymologický slovník* 1980, 200 и 723 сл.)

Принципиальный отказ от категории "начальный сигнал" повлек бы за собой, с другой стороны, исключение из сферы языкового рассмотрения социально значимых коммуникативных компонентов значения и привел бы, в конечном счете, к переоценке референциально-номинативной функции текстовых единиц и к недооценке прочих языковых функций. В ракурсе нашей темы отказ от термина "начальный сигнал" привел бы к недооценке проблем, связанных с диалогическим дискурсом.

Исходя из приведенных рассуждений, сформулируем наш "третий" тезис: Начало реплик в диалоге оформляется при помощи трех различных по типу показателей, сигнализирующих перехват речевой инициативы другим говорящим.

1. Подчеркивается референциальная функция начального элемента. При этом соблюдается закон текстовой связности (*Textkohärenz*). Передача речевой инициативы осуществляется "имплицитно". Использование этого типа для разговорных диалогов нехарактерно.
2. Начальный сигнал эксплицитно передает перехват инициативы речевым партнером. Перехват оформляется специальным показателем, не соответствующим модели синхронного семантического описания. Речь идет прежде всего о примарных сигналах,

или текстовых показателей, имеющих лишь функцию планового членения текста (ср., н.п., русское *ну* - универсальный сигнал начала реплики).

3. Начальный сигнал используется в своей основной референциальной или синтаксической функции. Однако параллельно актуализуются в данном случае и прочие функции (фатическая, конативная), которые оттесняют на задний план основную функцию. Основная функция сигнала при этом может подвергаться лингвистическому анализу, а также тем или иным образом интерпретироваться на психолингвистическом уровне.

Необходимо отметить, что границы между 2-ым и 3-им классом довольно подвижны. Однако подвижность границ не отменяет необходимости противопоставления обоих классов.

Разговорные диалоги (как в устной речи, так и в художественных текстах) часто демонстрируют использование языковых средств 2-го и 3-го классов. Напротив, имплицитный начальный сигнал, выраженный чисто номинативными языковыми средствами, - явление нетипичное для стиля разговорных диалогов. Для иллюстрации приведем отрывок из цикла повестей Н.В. Гоголя "Вечера на хуторе близ Диканьки", Часть 2-ая ("Иван Федорович, Шпонька и его тетушка"):

- Читали ли вы, - спросил Иван Иванович после некоторого молчания, высовывая голову из своей брички к Ивану Федоровичу, - книгу "Путешествие Коробейникова к святым местам"? Истинное услаждение души и сердца! Теперь таких книг не печатают. Очень сожалательно, что не посмотрел, которого году.

Иван Иванович, услышавший, что дело идет о книге, прилежно начал набирать себе соусу.

-Истинно удивительно, государь мой, как подумаешь, что простой мещанин прошел все места эти. Более трех тысяч верст. Подлинно, его сам господь мой сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме.

- Так вы говорите, что он, - сказал Иван Федорович, который много наслышался о Иерусалиме еще от своего денщика, - были и в Иерусалиме?..

- О чем вы говорите, Иван Федорович? - произнес с конца стола Григорий Григорьевич.

- Я, то есть, имел случай заметить, что какие есть на свете далекие страны! - сказал Иван Федорович, будучи сердечно доволен тем, что выговорил столь длинную и трудную фразу.

- Не верьте, Иван Федорович! - сказал Григорий Григорьевич, не вслушавшись хорошенько, - все врет.

Между тем обед кончился. (.....) (Гоголь 1966,225 сл.)

Ни одна из представленных в тексте моделей начала реплики не является типичной (в нашем понимании). Все они скорее отражают логику построения прогрессивного полилога. Мы не обнаруживаем здесь сигналов планового членения в собственном смысле. Даже обращения, выражающие конативную функцию, расположены не в начале соответствующей реплики.

Человеческий язык вообще не особенно богат частицами, выражающими исключительно функцию планового членения, т.е. выражающими начало, конец, перебой сообщения и не допускающими иных автосемантических или синсемантических интерпретаций. В качестве одного из немногочисленных примеров можно привести частицу *ja* из немецкого языка. Она служит своего рода контактным сигналом в начале разговора. Частица *ja* сигнализирует потенциальному собеседнику о том, что говорящий намерен вступить с ним в словесный контакт (Willkorr 1988, 96).

Столь же однозначно функцию планового членения выполняет английская частица *well* и немецкая частица *nun*. В польском языке ту же роль играет партикула *no*. Pisarkowa 1975, 43 приводит следующие аргументы: "Sam więc rzeczywiście nie ma stałej funkcji semantycznej. Jego rola środka spójnościowego wydaje się czysto formalna: tworzy przedtakt dla rozpoczęcia, czyli sygnału, podobnie jak duża litera jest sygnałem początku zdania." В чисто организационной функции может выступать и польская частица *więc* (ср. также нем. *also*), обозначающая начальный момент ответа на вопрос или просьбу (ср. там же, 40). К тому же типу, очевидно, относятся и средства неканонической фонетики. В немецком языке таким средством является весьма вариативное, по звучанию, полифункциональное междометие *hm* (ср. Nothdurft 1984), указывающее на начало реплики и одновременно на готовность речевого партнера к перехвату коммуникативной инициативы. Та же частица передает также слабый оттенок неуверенности при формулировании высказываний (ср. Willkorr 1988, 106 сл.). Приводим для иллюстрации пример из русского языка:

Стырь прошел на корму.

- Как совсем стемнеет, - заговорил Степан на ухо старику, - я велю перевести послов на другой струг. Приставными пошлю вас с дедом. В ихней лодке. Надо, чтоб они утекли от нас. Дайте им ...

- Дайте им сбежать.

- А мы как? - все не мог понять Стырь.

- Не знаю. Можя, с собой возьмут.

- Хм ... А можа, стукнут бабайкой да в воду?
- Не знаю. Иди скажи деду. (.....) (Шукшин 1982, 29)

В современном русском языке абсолютно нейтральным сигналом начала, как в рамках отдельной реплики, так и в рамках диалога (см. выше), служит универсальная частица *ну*. В разговорной речи данная частица обладает весьма широкой сферой функционирования (ср. Vasilyeva без года, 94 сл.).

В русском языке весьма трудно определить начальные сигналы *а* и *и*. Причина трудности определения кроется в том, что позицию начала реплики может замещать как собственно начальный сигнал, так и логический конъюнктор, с помощью которого вводится новая логическая тема или новая точка зрения. Введение новой темы осуществляется при особых речевых условиях, при которых возникает объективная трудность различения союзов *а* и *и* (ср. Girke 1978; Кручинина 1988; Санников 1988; Kuße 1989). Данный феномен можно сопоставить с явлением немецкой детской речи. В языке детей включение в текст новых точек зрения (предикаций - в лингвистическом смысле) передается повторяющимся союзом *und*. Hoffmannová (1984, 102 сл.) указывает в данном контексте на проблему совмещения функций текстовыми коннекторами (среди прочих рассматриваются также приводимые выше сигналы *а* и *и*). Особенно подробно в работе анализируется совмещение функций союзами и частицами.

Мы попытаемся дать ответ на поставленный вопрос, проанализировав функции русского *а*. Примеры возможного употребления *а* выбраны из романа В. Шукшина "Я пришел дать вам волю". Примечательно, что *а* - "начальный сигнал", открывающий речь, не уступает по частоте употребления *а* - "союзу", соединяющему предложения внутри реплики. В своем разговорно стилизованном языке (насыщенном элементами просторечного и диалектного употребления) Шукшин начинает фразу с *а*. Однако *а* используется при этом в двух различных функциях: с одной стороны, в начале предложения, связанного внутри реплики с другим предложением (союз); с другой стороны, *а* используется как сигнал начала реплики. Во втором случае *а* может интерпретироваться различно: и как союз, и как частица.

Приведем сначала примеры союзного употребления *а* внутри реплики:

- Двадцать две пушки, - уперся он. - Самые большие - с имя можно год взаперти сидеть. А нам остается двадцать.

"Zweiundzwanzig Kanonen", beharrte er. "Die größten - damit könnt ihr ein Jahr lang hinter verschlossenen Toren sitzen. Uns bleiben zwanzig.

(Шукшин 1982, 78; Schukschin 1980,98)

(.....) Ты и отдай все, еслив ты без подвоха-то. А то же ведь все равно оружный уходишь!

"(.....) Gib sie alle ab, wenn du keine Hintergedanken hast. Sonst ziehst du ja doch bewaffnet davon!"

(там же)

- Э, князь! ... Не гулял ты на степу-приволье. А - крымцы, татарва? Мало ли! Найдутся и на нас лихие люди. Дойтить надо. А как дойдем, так пушечки эти вернем тотчас.

"Ach, Fürst! Du warst noch nicht in der freien Steppe. Und die Krimtataren? Und wer nich sonst noch alles! Es gibt schon Verwegene, die sich an uns ranwagen. Wir müssen die Heimat erreichen. Wenn wir dort sind, schicken wir die Kanönchen gleich zurück."

(там же)

В приведенном тексте иллюстрируется общий случай употребления *a*, типичный для системы русского языка. Как типичное средство синтаксического соединения предложений союз *a* используется и в устной разговорной речи (ср. Русская разговорная речь. Тексты 1978). Данный случай не представляет особых трудностей.

Допустим, что диалог функционирует как потенциальный продукт текстопроизводства и его цель состоит в вербальной передаче содержания определенной ситуации, при чем соответствующая ситуация может быть описана как в форме диалога, так и в любой другой форме; тогда союз *a* выполняет весьма конкретную функцию, состоящую в синтаксическом соединении предложений. Другими словами, если сигнал *a* сохраняется при переходе от диалога к монологу, то его функция определяется как функция союза, а не как функция частицы, маркирующей начало речи. Если начальный текстовый сигнал *a* не сохраняется в результате описанного перехода, то мы будем обозначать его как частицу планового членения. Поясним сказанное примером (Шукшин 1982, 98 сл., Schukschin 1980, 122f):

- Да ты-то! ... С жалости-то как раз хворают. У тебя одно сердце, а у другого ... У другого - болит. У меня вон Микишка-то, сын-то, - вспомнил Стырь, - когда помер? - годов с двадцать. А я его все во сне вижу. Проснусь - аж в груди застынет от горя, как, скажи, вчера его схоронил. Вот те и проходит - не проходит. А он брата-то вон как тоже любил ... Да на глазах задавили - какое тут сердце надо иметь - камень? он и надорвал его.

- А ты-то был в том походе? Видал?

- Видал. (.....)

"Ja, du. Grad von Mitleid wird man krank. Dein Herz hält's aus, aber bei m andern, da tut's weh. Mein Mikischka, mein Sohn", erinnerte sich Styr, "wann

starb der? An die zwanzig Jahr is es her. Noch immer seh ich ihn im Traum. Wenn ich aufwach, wird mir ganz kalt in der Brust vor Kummer, als ob sie ihn hätten gestern erst beerdigt. Von wegen, Kummer vergeht, der vergeht nich. Stepan hat auch sehr an dem Bruder gehangen ... Vor seinen Augen ham sie ihn gehängt - was für ein Herz muß man da haben, aus Stein? Daher der Knacks." "Warst du damals mit auf m Feldzug? Hast's gesehen?" "Hab ich." (.....)

Вопрос, который вводится частицей *a*, относится к дополнительной информации, которая во фразе следует за изложенным Стырем содержанием предмета. В диалоге проявляется не адверсативная, а прогрессирующая функция частицы *a* (этот смысл передает и сентенция Girke 1978,35: "Что еще можно к этому добавить" - "Was gibt es sonst noch dazu zu sagen?"; Kuße 1989, 215 сл.). В контексте вопроса прогрессирующая функция сигнала *a* реализуется особенно четко. Самим характером вопроса объясняется, с нашей точки зрения, и частотность употребления вводного *a* в русских диалогах. Именно вопрос, как категория прагматики, нацелен на получение дополнительной информации о предмете. Вопрос из цитируемого выше текста "А ты-то был в том походе? Видал?" - легко представить себе в контексте монолога. Если бы говорящий задался соответствующей целью, он мог бы сам ответить на него: "(...) он и надорвал его. А я-то был в том походе. Видал." Речь идет в данном контексте о союзе *a*, который употребляется вместо сигнала планового членения. Используемый довольно часто как сигнал начала, конъюнктор *a* совмещает организующую функцию с фатической. Это означает, другими словами, что соответствующая реплика не выражает исключительно прогрессивный или адверсативный характер движения диалога, но сигнализирует о перехвате речевой инициативы тем или иным говорящим. В рамках анализа диалога функцию планового членения текста можно считать доминирующей по отношению к прочим функциям.

В диалогах, стилизованных под разговорный язык, случаи открытия реплики союзами *и* и *но* встречаются значительно реже, по сравнению с частотой употребления союза *a*. В результате может возникнуть внешнее и ничем не подкрепленное впечатление, по которому *a* в позиции начала реплики всегда употребляется не как союз, а как частица планового членения. Строго говоря, такое впечатление неправильно.

Положительный пример взаимного наложения функций являют собой междометия. С одной стороны, их можно рассматривать как сигналы эмотивной (экспрессивной) языковой функции. С другой

стороны, в рамках анализа диалога, междометия тяготеют к начальной позиции в реплике. Вообще любая функция языка, которая так или иначе пересекается с референциальной функцией, усиливает одновременно степень воздействия на слушателя. Однако, междометия лишь во вторую очередь замещают функции начальных сигналов. Выполняя роль сигналов планового членения, междометия располагаются и внутри реплики. Они могут употребляться также как ответные сигналы слушающего, хотя данный феномен лишь изредка фиксируется литературными текстами, стилизованными в разговорном ключе. Приведем несколько примеров для иллюстрации сказанного:

а) начальный сигнал планового членения:

- Эх, Корней, кресный, - вздохнул Степан. - Вот закованный я по рукам-ногам, и не на пир ты меня везешь, - а жалко тебя. (Шукшин 1982, 366)

б) внутренний сигнал планового членения:

- Да кому?! Кому она отольется! Пролилась она, а не отольется! Рекой пролилась ... в Волгу! - Матвей плакал. - Понадеялись на молодцов-атаманов ... Поверили! Эх! ... Заступники ... (там же, 355)

в) ответный сигнал слушающего:

- Эхх! ... - только и сказал Матвей. (там же, 348)

11. Произведем обобщение: Понятие "сигнал планового членения" является категорией лингвистики текста (или категорией теории диалога). В связи с этим ее нельзя отождествлять ни с какой определенной частью речи. В функции сигналов планового членения могут выступать частицы (н.п. *ну*), союзы (н.п. *а*), фатические императивы (н.п. *СЛЫШЬ*), междометия, а также формы неканонической фонетики (*хм*). Таким образом, функция планового членения текста не является функцией грамматики или морфологии, ни синтаксической функцией в узком смысле слова. Ее скорее следует обозначить как функцию категории текста или макросинтаксиса (в терминах Gülich 1970).

Литература

- С.С. Беркнер, К вопросу о трансформации устно-разговорного текста в письменно-разговорный (на мат. английского языка). *Лингвистика текста. I*. Москва 1974, 45-50.
- В.В. Виноградов, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Москва 1963.
- Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений. Том I*. Москва 1966.
- Е.А. Земская, *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва 1987².
- Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев, *Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования. Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. Москва 1988, 121-152.
- К. Koževníková, *Спонтанная устная речь в эпической прозе*. Praha 1970.
- И.Н. Кручинина, *Структура и функции сочинительной связи в русском языке*. Москва 1988.
- Е.В. Падучева, *Прагматические аспекты связности диалога. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка 41/1982, 305-313*.
- А.А. Реформатский, *Неканоничная фонетика. Развитие фонетики современного русского языка*. Москва 1966, 96-109.
- Русская разговорная речь*. Москва 1973.
- Русская разговорная речь. Тексты*. Москва 1978.
- В.З. Санников, *Русские сочинительные конструкции*. Москва 1989.
- А.К. Соловьева, *О некоторых общих вопросах диалога. Вопросы языкознания 6/1965, 103-109*.
- В. Сорокин, *Очередь*. Paris 1985.
- В. Шукшин, *Я пришел дать вам волю*. Москва 1982.

- H.Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи.* Москва 1960.
- М.И. Юфит, *Он, ты и я: Повести, рассказы.* Москва 1990.
- Л.П. Якубинский, *Избранные работы. Язык и его функционирование.* Москва 1986, 17-58.
- R. Bratny, *Trzech w linii prostej.* Warszawa 1970.
- S. Duncan, G. Niederehe, On Signalling that it's Your Turn to Speak. *Journal of Experimental Social Psychology* 10/1974, 234-247.
- Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 2.* Praha 1980.
- W. Girke, Sätze mit no, i und a. *Slavistische Linguistik* 1977. Herausg. von W. Girke und H. Jachnow. München 1978, 26-40 (= *Slavistische Beiträge* 120).
- H.P. Grice, Logik und Gesprächsanalyse. *Sprechaktheorie. Ein Reader.* Herausg. von P. Kußmaul. Wiesbaden 1980, 109-126 (= *Schwerpunkte Linguistik und Kommunikationswissenschaft* 17)
- E. Gülich, *Makrosyntax der Gliederungssignale im gesprochenen Französisch.* München 1970 (= *Structura* 2).
- J. Hoffmannová, Typen der Konnektoren und deren Anteil an der Organisation des Textes. *Linguistica* X/1984, 101-140.
- R. Jakobson, Linguistik und Poetik. *R. Jakobson, Poetik. Ausgewählte Aufsätze 1921-1971.* Frankfurt 1979, 83-121.
- H. Kuße, Funktion und Verwendung koordinierender Konjunktionen in N.M. Karamzins "Pis'ma russkogo putešestvennika" (dargestellt am Beispiel der Briefe 1-45). *Wiener Slawistischer Almanach* 24/1989, 199-225.
- J. Mazur, *Organizacja tekstu potocznego.* Lublin 1986.

- O. Müllerová, *Komunikativní složky výstavby dialogického textu*. Praha 1979.
- J. Mukařovský, *Kapitoly z české poetiky. I*. Praha 1948.
- R. Nenadál, *Škorpión*. Praha 1990.
- W. Nothdurft, "*... äh folgendes problem äh ...*". Tübingen 1984.
- K. Pisarkowa, *Składnia rozmowy telefonicznej*. Wrocław u.a. 1975.
- R. Rathmayr, *Die russischen Partikeln als Pragmalexeme*. München 1985
(= *Slavistische Beiträge* 187).
- R. Rathmayr, Russische Partikeln und ihre deutschen Äquivalente. Glossar.
Rusistika/Russistik 1/1989, 18-40.
- V. Schukschin, *Rebell gegen den Zaren. Ein Kosakenroman*. Stuttgart 1980.
- K.P. Schneider, *Small Talk. Analysing Phatic Discourse*. Marburg 1988
(= *Sprachwissenschaftliche Reihe. Linguistic Series* 1).
- A.N. Vasilyeva, *Particles in Colloquial Russian*. Moscow (без года).
- M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch. I*. Heidelberg 1953.
- E.-M. Willkop, *Gliederungspartikeln im Dialog*. München 1988.

Метаязыковые сигналы начала реплики как средство иллокутивной задержки и иллокутивной блокады

1. При чтении диалогов, написанных стилем нарративной прозы, а также драматических текстов можно установить тот достаточно частотный факт, что взаимная соотнесенность отдельных реплик зависит не только от языковой референции, то есть от информации, содержащейся в языке объекта, но и от так называемого речевого комментирования, оформленного метаязыковыми средствами. Например, возможны случаи, когда говорящий не просто отвечает на вопрос, не просто реагирует на обвинение собеседника или высказывает собственное. Так выглядели бы классические примеры иллокутивной связности, известные нам как по художественным текстам, так и по научной литературе (ср. н.п. Падучева, 1982; Freidhof, 1992, Müllerová 1979, Mluvnické češtiny 3, 306 сл. и 605 сл.). Но за рамками описанных иллокутивных связей, увеличивающих референциальную потенцию диалога, имеется также немало средств речевого комментирования, а именно:

- Говорящий сообщает, что он слышал и понял мысли, желания и аргументы собеседника;
- Говорящий начинает собственную реплику указанием на то, что имеет намерение продолжать диалог и отвечать партнеру;
- Говорящий призывает собеседника прислушаться к его соображениям и т.п.

С помощью метаязыковых средств достигается, с одной стороны, фатический контакт с собеседником (ср. Jakobson, 1960, 355 сл. с отсылкой на Малиновского и Schneider, 1988 о мини-диалоге ("small talk" в английском языке)), с другой стороны, имеют место задержки и явления стагнации в диалоге. Эти явления в исключительных случаях переходят в подлинную блокаду:

- Говорящий избегает продолжения иллокутивно ориентированного диалога (или продолжения отдельной реплики);
- Говорящий призывает собеседника самому принять какую-либо точку зрения в диалоге.

Проиллюстрируем одним примером сочетание объектно-языковой референции (иллокутивная прогрессия) и метаязыкового комментирования (сопровождение) в том виде, в котором оно имеет место в диалогических текстах; речь идет о фрагменте диалога между Самушкиным и Чонкиным в романе Войновича "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" (Войнович 1975, 27 или Woinowitsch 1975, 31 сл.):

- Чего тебе? - шепотом спросил Чонкин.
- Да ты не бойся, - прошептал Самушкин и сам наклонился к чонкинскому уху. - Ты знаешь, что у Сталина было две жены?
- Да ну тебя, отмахнулся Чонкин.
- Верно тебе говорю. Две жены. - Хватит болтать, - сказал Чонкин.
- Не веришь - спроси у старшего политрука.
- Да зачем мне это нужно? - упрямылся Чонкин.
- Спроси, будь другом. Я спросил бы, но мне неудобно, я прошлый раз задавал много вопросов.

По лицу Самушкина было видно, что ему очень важно, чтобы Чонкин оказал ему эту пустяковую, в сущности, услугу. И Чонкин, будучи человеком добрым, не умеющим никому и ни в чем отказывать, сдался.

"Was willst du?" flüsterte Tschonkin.

"Hab keine Angst", flüsterte Samuschkin zurück und neigte sich selber zu Tschonkins Ohr. "Weißt du eigentlich, daß Stalin zwei Frauen gehabt hat?"

"Hau ab, du", wehrte sich Tschonkin.

"Es stimmt aber: zwei Frauen."

"Halt das Maul", sagte Tschonkin.

"Wenn du mir nicht glaubst, dann frag den Oberpolitruk."

"Aber was hab ich davon, wenn ich das weiß?" sperrte sich Tschonkin.

"Komm, frag ihn, sei so lieb. Ich würde ja selber fragen, aber ich traue mich nicht, ich hab letztes Mal so viele Fragen gestellt."

Samuschkins Gesicht war anzusehen, wie wichtig es ihm war, daß Tschonkin ihm diesen im Grunde winzigen Dienst erwies. Und Tschonkin als gutmütiger Mensch, der er war, konnte niemals und niemandem einen Dienst verweigern. Er ließ sich breitschlagen.

Этот иллокутивно структурированный диалог, который начинается вопросом Самушкина "Ты знаешь, что у Сталина было две жены?" содержит две реплики, частично (или исключительно) метаязыковой направленности: "Верно тебе говорю. Две жены" - это реплика соотносится своей первой частью с первым вопросом, в пресуппозиции которого закодирована истинность предположения ("что у Сталина было две жены?"). Таким образом, метаязыковая часть реплики ("Верно тебе говорю") всего лишь подтверждает содержание пресуппозиции; это излишнее подтверждение обуславливает стагнацию иллокутивного движения диалога. Следующая далее реплика "Хватит болтать", резкость которой слегка утрирована в переводе Александра Кемпфе ("Halt das Maul"), обнаруживает попытку собеседника блокировать иллокутивный вопрос метаязыковыми средствами (аналогично с предшествующей репликой "Да ну тебя"), которая в силу своей эллиптичности не может быть с определенностью отнесена ни к уровню

языка - объекта ни к уровню метаязыка. Хотя полная блокада диалога и не удается Чонкину, на попытки такой блокады указывает реплика, задерживающая движение диалога. Таким образом, обе промежуточные реплики служат как бы для того, чтобы задерживать прогрессивное развитие диалога; правомерность такого обобщения подтверждается хотя бы тем фактом, что обе реплики можно изъять из диалога, не нарушая при этом его подлинной связности (подобное явление имеет место также в немецком переводе, тем самым обнаруживается искусство переводчика в передаче межязыковых эквивалентов).

Очевидно, что задержки в развитии диалога могут обеспечиваться не только метаязыковыми комментариями и вставками. Можно представить себе в языке-объекте и другие возможные условия, при которых происходит выключение всего комплекса правил, составляющих грайсовский принцип кооперации (Grice, 1980); такое "выключение" может пониматься как недостаточная готовность к коммуникативному сотрудничеству или даже как саботаж коммуникации. Николаева (1990, 226) приводит в своей работе следующий список правил:

1. Установка на навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации;
2. Нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос;
3. Стремление уйти от реми-предикативного аспекта беседы, то есть от обмена новой характеризующей информацией, информацией мысли, а не факта;
4. Желание задеть, обидеть собеседника.

Возможность совпадения объектноязыковых и метаязыковых средств обеспечивающих иллюкативную задержку диалога, реализуется в тексте перевода, когда имеют место формальные наложения (т.н. транспозиции) обеих категорий:

- Ах да, - спохватился Лужин. - Чуть было не упустил. Значит так. Если учесть, что, с одной стороны. Действуют законы военного. А с другой стороны, тот факт, что вы явились сами, а не то, что мы вас разыскивали, то ... учтите, я за суд решать не берусь ... это мое частное мнение ... но я думаю. Так лет. Может быть, десять.
- Десять лет! - в ужасе закричал Ермолкин. - Но я же это сделал не нарочно! (Войнович 1979, 108)

"Richtig, das hätte ich fast vergessen", korrigierte sich Lushin. "Wir haben also einerseits die Kriegszeit, andererseits haben Sie sich freiwillig gestellt und uns somit die Mühe erspart, erst lange nach Ihnen zu suchen. In Würdigung dieses Umstands ... Ich *wiederhole* (курсив наш, Г.Ф.)."

ich bin nicht das Gericht, ich gebe nur meine Privatmeinung wieder. So an die zehn Jährchen, *würde ich sagen* (курсив наш, Г.Ф.)."

"Zehn Jahre, das ist ja entsetzlich", jammerte Jermolkin los. "Ich habe das doch ohne Vorsatz getan." (Woinowitsch 1985, 136)

- Хватит! - Ермолкин вскочил и с несвойственной ему энергией забегал по комнате.

Она следила за ним растерянно.

- Ты же сам просил ...

- Я ничего не просил! - продолжая бегать, он заткнул пальцами уши. -

Я ничего не хочу даже слушать. (Войнович 1979, 89)

"Genug!" rief Jermolkin, sprang vom Stuhl auf und begann, wie wild im Zimmer herumzulaufen. Die Ehefrau sah ihm dabei voller Verwirrung zu und sagte dann:

"Du hast mich doch selber gebeten ..."

"*Quatsch! Ich will nichts hören!*" (курсив наш, Г.Ф.) Ich will nichts hören!" - Jermolkin hielt sich die Ohren zu und jammerte vor sich hin. (Woinowitsch 1985, 114)

В первом случае происходит транспонирование директивного речевого акта "то...учтите" в метаязыковую конструкцию "ich wiederhole"; немецкая фраза "würde ich sagen" является метаязыковым дополнением к тексту, подчеркивающим приблизительность содержания последней реплики ("может быть"/"So an die...").

Во втором случае ответная реплика "Я ничего не просил", иллюстрирующая собой весьма частотную модель диалога (ср. в этой связи Шведова 1956 и 1960, 280 сл.), переведена на немецкий экспрессивно окрашенной репликой метаязыкового содержания: "Quatsch! Ich will nichts hören". Последняя часть - это предлагаемый переводчиком двойной перевод русской фразы "я ничего не хочу даже слушать" (в немецком тексте два раза повторяется "Ich will nichts hören!").

Задержка в иллокутивном движении диалога в первом случае минимальная (к тому же она имеет место не в начале реплики), во втором случае, напротив, эта задержка практически блокирует диалог; он возобновляется лишь после долгого перерыва.

Если исходить в указанных случаях из идеи транспозиции объектноязыковых единиц в метаязыковые, то следует отметить (как в оригинале, так и в переводе) и случаи так называемых нулевых соответствий, речь идет о механизмах экспансии и компрессии (ср. в связи с этим терминологию Kosta 1986, 289 сл., а также цитированные автором работы Хайде Шмидт).

Эти примеры служат для иллюстрации того, что метаязыковые элементы могут функционировать просто как "текстовые наполнители" и тем самым создают эффект т.н. "гладкости стиля" (последнее важно в связи с оценкой навыка переводчика). Описанные нами явления возможны благодаря тому, что референциальные связи внутри диалога никак не страдают от них. Не имеет смысла обсуждать, какова действительная мера той свободы, которой располагает переводчик или мог бы располагать. Приведем примеры, демонстрирующие явления компрессии и экспансии:

Нюра посмотрела на него вопросительно.

- Не поняли? - улыбнулся Лужин. - Я по-моему. Говорю. Ясно вполне. Я спрашиваю: в вашей деревне у людей какое настроение? Грустное?

Njura blickte Lushin fragend an.

"Haben Sie mich nicht verstanden?" sagte Lushin mit einem breiten Lächeln. "Bei euch im Dorf gibt es doch sicher Stimmungen unter den Leuten. Sind das traurige oder fröhliche Stimmungen?" (Войнович 1979, 104 или Woinowitsch 1985, 131)

(...) Ведь ты же, - обратился он к Шевчуку, - советский человек?

- Советский, - поспешно согласился Шевчук.

- Коммунист?

- Коммунист, - подтвердил Шевчук.

- Так как же ты мог это сделать? - громовым голосом спросил Парнищев.

(...) Hör mal her, Schewtschuk, du bist doch wohl ein sowjetischer Mensch?"

"Ein sowjetischer, freilich", bestätigte Schewtschuk bereitwillig.

"Und Kommunist bist du auch?"

"Das bin ich allerdings", flötete Schewtschuk.

"Dann sag mir eins: Wie konntest du das machen?" fragte Parnischew mit Donnerstimme. (Войнович 1979, 151 или Woinowitsch 1985, 190)

Необходимо отметить, что средства, которые мы обобщенно называем "метаязыковыми", представляют собой в строго категориальном смысле совокупность различных функциональных средств, к которым среди прочих относятся:

1. Элементы, обеспечивающие контакт с собеседником (например, имеющие форму "Hör mal her" и являющиеся по своему происхождению директивным речевым актом);
2. Директивные речевые акты, оформленные посредством

- verba dicendi* ("Dann sag mir eins");
3. Эксплицитно выраженное указание на тип речевого акта ("Я спрашиваю");
 4. Эксплицитно выраженное указание на тип восприятия речевого акта ("Я ничего не хочу даже слушать"; о т.н. лингвистике восприятия речевого акта или теории акта слушающего ср. Hinrichs 1991).

Общий признак всех функциональных элементов состоит в высокой степени их формальной эксплицитности:

- элемент, обеспечивающий контакт с собеседником, содержит *verbum audiendi*;
- директивный речевой акт содержит *verbum dicendi, rogandi* и т.д.;
- речевой акт и акт восприятия речевого акта содержит *verbum rogandi, dicendi* и т.д. - или *audiendi*;
- речевой акт, а также акт восприятия речевого акта могут оформляться либо эксплицитно и непосредственно ("Я спрашиваю"), либо через посредство модальных глаголов ("Я ничего не хочу даже слушать").

В ситуации, предполагающей эксплицитное выражение речевого акта, можно говорить о частичной функциональной тавтологии: ведь в обычном случае вопрос не начинается с "предфразовой" конструкции, оформленной *verbum rogandi*, а высказывание не открывается конструкцией с *verbum dicendi* ("Я вас спрашиваю", "Я вам говорю" и т.д.). Вопросительный речевой акт оформляется обычно только интонацией вопроса: "В вашей деревне у людей какое настроение?"; то же самое можно сказать и о т.н. репрезентативных речевых актах, не требующих перед фразой вставки в форме: "Я говорю ..." и т.п. (ср. нп. Войнович 1979, 48):

(...) Вы там, в райкоме, сидите и не знаю, чем думаете. Уперлись в свои указания, как бараны.

- Как кто? - переспросил быстро Чмыхалов.
- Как овечки, - смягчил свое определение Голубев.
- Сразу, значит, пошел на попятную, - Чмыхалов преобразился и глаза его заблестели. - Выходит, значит, по-твоему, в райкоме сидят бараны?
- Ты мне политику не шей, - сказал председатель, поднимаясь. - *Я тебе говорю* (курсив наш, Г.Ф.): дождь идет, а в дождь убирают только дураки и вредители.

В каждом конкретном случае суждение о стилистическом достоинстве перевода должно выноситься крайне осторожно. Эксплицитное выражение речевого акта посредством *verba dicendi, rogandi* и т.п. может иметь различное объяснение в каждом конкретном случае, как например: фраза "Я тебе говорю" может, с одной стороны, оцениваться как перформативная вставка, функцию которой Hindelang (1983, 25) описывает следующим образом:

"Anders ist es bei Äußerungen mit performativen Einstufungen: sie sind aus zwei syntaktisch getrennten Teilen aufgebaut: der performativen Einstufung plus einer implizit performativen Äußerung, in der die entsprechende Proposition realisiert wird (в оригинальном тексте она дается частично зашифрованной, Г. Ф.): Die beiden Teile sind aber so eng aufeinander bezogen, daß sie als e i n e Äußerung betrachtet werden sollen."

С другой стороны, в том же высказывании документально фиксируется повторное указание на дождь; первое указание дается в имплицитном порядке: "Blick einmal zum Fenster raus, dann weißt du es" - отвечает терпеливо председатель колхоза (Woinowitsch 1985, 65).

В немецком переводе встречаем точное (имплицитное) соответствие, переданное иллокутивной частицей *doch*: "Ich sage dir doch, der Regen ist schuld. Bei Regen bringen nur Dummköpfe und Schädlinge die Ernte ein" (там же; о нем. частице ср. Helbig 1988, 111 сл. и, наконец, Lindner 1991).

2. Вопрос о роли метаязыковых средств в системе конкретно связанных реплик диалога может рассматриваться как частный случай более широкого явления диалогической связности. В нашей статье (1992) на основе предшествующих исследований и с опорой на наш собственный материал были сформулированы и описаны с различной степенью полноты следующие виды диалогической связности:

1. прогрессивная иллокутивная связность
2. прогрессивная презумптивная связность
3. прогрессивная имплицатурная связность
4. прогрессивная метаязыковая связность
5. стагнирующая метаязыковая связность
6. связность посредством задержки
7. иллокутивная блокада

Первые три типа (несколько в иных терминах они уже были описаны Падучевой 1982) основаны на допущении, что как иллокутивные пары (или сцепления) так и презумпция высказывания и имплицатура дискурса (по Грайсу) обеспечивают связность отдельных реплик.

Остальные четыре типа подчиняются скорее условиям ситуации, в которых реализуются диалогические реплики (Падучева, в работе 1982, 309 сл. уже отмечала, что "реплики, отнесенные к условиям речевого акта", можно рассматривать как типологический признак связности).

Для настоящего исследования интерес представляют четвертый, пятый и седьмой типы связности, поэтому мы сосредоточим наше описание именно на них.

Прогрессивную метаязыковую связность можно определить как формальное подчинение реплики системе иллокутивных связей в условиях одновременного метаязыкового сопровождения реплики (Freidhof 1992); метаязыковое сопровождение оформляется, как правило, "предфразовой конструкцией", которая подключается собственно к пропозиции:

- (...) Я спрашиваю: в вашей деревне у людей какое настроение? Грустное? (см. выше)

- Разве я непонятно объяснил? Ну что ж, попробую иначе. Запомните и зарубите себе на носу, - он повысил голос и стал грозить пальцем, - у нас в Советском Союзе ни за что никого не сажают. (Войнович 1979,59)

"Nemluv o tom, Švejku," řekl měkce Blahník, "pro starýho kamaráda všechno udělám, zejména když slouží na vojně (...)" (Hašek 1967,I,199)

В условиях прогрессивно-метаязыковой связности реплик собственно метаязыковая часть не предполагает осознанной задержки иллокутивного развития диалога. Скорее можно говорить о том, что

- факт задания вопроса выражен эксплицитно благодаря вербализации речевого акта ("Я спрашиваю");
- уточнение предлагаемого объяснения выражено эксплицитно ("Разве я непонятно объяснил? Ну что ж, попробую иначе");
- на вопрос Швейка о его долге перед Блахником дается ответ в метаязыковом оформлении (в том смысле, что "не стоит об этом говорить"), а потом следует пропозиционное обоснование правомерности такого ответа.

Таким образом, в каждом конкретном случае можно по-разному объяснять функции метаязыковых средств в диалоге; объяснение заложено в иллокутивной части диалога. Заданное развитие диалога не

претерпело бы никакого ущерба, если бы из текста оказались изъяты все метаязыковые вставки. Итак, метаязыковые средства диалога образуют единый объект описания с так называемыми иллокутивными (оттеночными) частицами. И в первом и во втором случае речь идет о комментарии (или точке зрения) на речевой акт или на процесс, на восприятие речевого акта, в силу которого текст приобретает стилевую элегантность и благозвучность (оттеночные частицы поэтому часто называют "языковой смазкой"). Для каждого частного случая трудно объяснить, почему имеет место та или иная метаязыковая вставка или почему она отсутствует (последний случай более распространен). Несоответствия в текстах оригинала и перевода часто указывают лишь на то, что языковая интуиция автора и переводчика не совпадают, они не предполагают ошибочного или плохого перевода. Здесь нами не обсуждается вопрос о том, существуют ли в языках типичные модели употребления (для иллокутивных частиц факт типичного употребления кажется неоспоримым - ср. Weydt 1989 и Freidhof 1991, sub 5).

Метаязыковые вставки могут осмысляться, как и паралингвальные знаки (жесты, мимика и т.д.), в качестве сопроводительных явлений по отношению к пропозициональному акту речи; в сущности говорящий обходится и без них, но он бы удивился, тем не менее, если бы эти знаки отсутствовали в диалогическом действе. Подобные метаязыковые средства служат как бы для поддержки и страховки того, что говорящий хочет сказать, как он собирается реагировать и т.п. Говоря обобщенно, эти средства используются говорящим для декларации речевого действия: сначала я как бы делаю заявление о речевом действии, а затем я осуществляю само действие (метаязыковое действие вступает при этом в некоторое отношение к пропозициональному действию).

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих сказанное:

- *Ну так слушайте*, - сказал он торжественно. - Вот в двух словах мое начало. Выходец из петербургской дворянской (...) (Войнович 1979,21)
- (...) Ты про кого спрашиваешь?
- *я говорю*, Чонкин, что к следователю, тем более к старшему по званию, нужно обратиться на вы. Ты меня понял? (там же, 37)
- Чонкин! - повысил голос лейтенант. - *Я вас спрашиваю*. Признаете ли вы себя виновным в совершенных вами преступлениях? - он снова вынул наган и слегка постучал рукоятью. (там же, 42)
- (...) А вы в какой стране проживаете?
- Как это? - не поняла Нюра.
- Ну, *я спрашиваю*, где вы живете? В Англии, в Америке или, может,

в фашистской Германии, а? (там же, 57)

- Я, я, я, - скорчив рожу, передразнил лейтенант, - я вижу, что вы не мерин, я вижу, что вы осел.

Ермолкин изменился в лице. - Как? Что? *Что вы сказали?* Как вы посмели меня, старого партийца ... (...) (там же, 96)

Этот перечень примеров из произведений Войновича можно было бы почти бесконечно продолжать. Войнович относится к числу тех авторов нарративной прозы, которые охотно используют метаязыковые вставки в отдельных репликах диалога. Язык таких авторов дает необходимый материал, позволяющий рассматривать метаязыковую вставку в реплику как суперструктурный признак диалогического текста (к понятию супер- или гиперструктуры ср. van Dijk 1980).

В отличие от рассмотренного типа, стагнирующая метаязыковая связность определяется как такой тип, при котором наблюдается временная остановка референциального развития диалога и вместе с тем остановка иллокутивного "взаимодействия реплик" (Freidhof 1992), другими словами: контакт посредством иллокутивных связей не оформляется декларативно и не блокируется, но лишь замедляется. Это происходит тогда, когда участниками диалога строятся высказывания с пустой пропозицией, связанные исключительно с условиями общения. При этом реплики состоят целиком или большей частью из метаязыковых элементов, н.п.:

- (...) Ты знаешь, что у Сталина было две жены?

- Да ну тебя, - отмахнулся Чонкин.

- *Верно тебе говорю.* Две жены.

- *Хватит болтать,* - сказал Чонкин.

- Не веришь - спроси у старшего политрука.

(...)

И Чонкин, будучи человеком добрым, не умеющим никому и ни в чем отказывать, сдался. (Войнович 1975, 27; курсив наш, Г.Ф.)

Метаязыковые реплики (в тексте отмеченные курсивом) вызывают референциальную стагнацию диалога. Они могли бы выпасть, не повлияв существенно на изменение его содержания, при этом вторая реплика функционально нацелена на то, чтобы задержать движение диалога и даже вовсе заблокировать его, чего, однако, не происходит. Если начальный вопрос "Ты знаешь ..." не встречает поддержки собеседника, то, в перспективе теории речевых актов, речевой акт как бы обречен на провал, несмотря на это, в конечном счете, определенный успех речевого акта все же имеет место: Чонкин настойчиво пытается заблокировать вопрос, обращаясь со встречным вопросом к

оберполитруку Ярцеву (ср. точнее Freidhof 1992, также и на тему необходимости различения удачи и успешности речевых актов).

Далее нам кажется необходимым привести два примера этого типа связности, здесь задержка в развитии диалогического действия связана (полностью или в решающей степени) с использованием метаязыковых знаков (о коммуникативной задержке без использования метаязыковых средств, то есть о шестом типе диалогической связности, ср. там же).

- Слушайте, Чонкин, - возбудился Запятаев, - я же вам не следователь. Зачем вы со мной дурака валяете? Вы вчера рассказывали, как сражались с целым полком. Был это или нет?
- А что ж, я врать буду? - обиделся Чонкин.
- Я и не говорю, что врете. Я верю. Именно поэтому я и спрашиваю, сколько вы их уничтожили?
- Так ведь несколько.
- Вот, вот, - обрадовался шпион. - Как раз к этому я и клоню. (...)
(Войнович 1979, 19; курсив наш, Г.Ф.)

Последний пример представляет для нас особый интерес, в нем сконцентрирован ряд метаязыковых фраз с различными функциями. Функция фразы, выделенной курсивом, понятна из контекста: фраза отвечает на вопрос косвенно, она вызывает стагнацию диалога.

- Да, конечно. - Расхаживая по комнате, он делал замысловатые движения руками. - Я купил. К дню рождения. А на какие шиши? А за что мне эти шиши платят? А шиши мне эти платят за то, что я людей ... - он приблизил к ней красное лицо и резко выдохнул: - ... убиваю.
- Паша! - закричала она. - *Подумай, что ты говоришь!*
- Ха-ха, - засмеялся он, - подумай. Давно подумал. А что делать? У меня семья и вы жрать хотите?
- Паша! - сказала она с упреком. - Ты же детей разбудишь. (Там же, 65; курсив наш, Г.Ф.)

Примечательно, что в немецком переводе метаязыковый элемент, маркирующий реплику Азы, жены адвоката, усиливается, в силу того, что обращение "Паша" (Павел Тимофеевич), называющее собеседника для установления контакта с ним, преобразуется в метаязыковой конструкт:

- "Hör bitte damit auf", rief die Frau des Staatsanwalts. "Überleg dir mal, was du zusammenredest!"
- "Das hab ich mir längst überlegt. (...)" (Woinowitsch 1985, 86)

Последний и крайний случай употребления метаязыковых средств - это так называемая иллокутивная блокада. Под блокадой нами понимается такая ситуация, когда говорящий отказывается воспринимать определенный речевой акт в любых условиях его существования, отказываясь прореагировать на него даже после введения в диалог задерживающих реплик (Freidhof 1992). Такая ситуация указывает на то, что речевой акт не удался: иллокутивное (а частично презумптивное и имплицатурное) развитие диалога блокируется говорящим. Один из самых интересных и пространных примеров такого рода взят нами из нем. перевода "Швейка": председатель комиссии по расследованию прибегает к коммуникативной блокаде в разговоре со Швейком, побуждая тем самым последнего отыскивать все новые возможности воссоздания коммуникативной связности диалога.

Der Oberstabsarzt trat dicht an Schwejk heran:

"Ich möcht gern wissen, Sie Meerschwein, was Sie sich jetzt wohl denken!"

"Melde gehorsamst, ich denk überhaupt nicht."

"Himmeldonnerwetter!" schrie ein Mitglied der Kommission, mit dem Säbel klirrend, "er denkt also überhaupt nicht. Warum, Sie siamesischer Elefant, denken sie denn nicht?"

"Melde gehorsamst, ich denk nicht, weils beim Militär den Soldaten verboten is. Wie ich vor Jahren bei den Einundneunzigern gedient hab, da hat unser Herr Hauptmann immer gesagt: 'Ein Soldat darf nicht selbst denken. Für ihn denken seine Vorgesetzten. Wie ein Soldat anfängt zu denken, is er schon kein Soldat, sondern ein ganz gemeiner Zivilist. Denken führt zu nichts ...'"

"*Halten Sies Maul*", unterbrach ihn wütend der Vorsitzende der Kommission, "über Sie haben wir sowieso schon Berichte. Der Kerl meint, man wird glauben, daß er ein wirklicher Idiot ist. - Sie sind kein Idiot, Schwejk, gescheit sind Sie, gerieben sind Sie, ein Lump sind Sie, ein Fallot, ein Lausbub, verstehn Sie ..."

"Melde gehorsamst, ich versteh."

"*Ich hab Ihnen schon gesagt, Sie solln das Maul halten, haben Sie gehört?*"

"Melde gehorsamst, daß ich gehört hab, daß ich das Maul halten soll."

"*Himmelherrgott, also halten Sie das Maul.* Wenn ichs Ihnen befehl, dann wissen Sie gut, daß Sie kuschen müssen!"

"Melde gehorsamst, daß ich weiß, daß ich kuschen muß."

Die Offiziere blickten einander an und riefen den Feldwebel:

"Diesen Mann da", sagte der Oberstabsarzt von der Kommission, auf Schwejk weisend, "führen Sie in die Kanzlei und warten unseren Bericht und Rapport ab. (...)" (Hašek 1976, 1, 75)

Из отрывка видно, что блокада диалога, которую председатель, благодаря своему статусу, имеет право навязать собеседнику, действительно имеет успех. Ответы Швейка, хотя и создают новые модели связности, на самом деле не могут обеспечить иллокутивного развития диалога.

Выражение "Držte hubu" (вместе с его вариантами) используется в ряде мест именно в указанной функции, эмоциональная окрашенность этого выражения всегда связана с определенными социальными и ситуативными параметрами в поведении слушателя и говорящего. Похожее выражение ("закрой хлебало") мы встречаем у Войновича (1979, II), с его помощью говорящий призывает замолчать встрявшего крикуна.

Другой пример уже цитировался выше: "Я ничего не хочу даже слушать" (Войнович, 1979, 89 - см. выше); в этом примере блокада вызывает выключение диалога на длительное время. Блокирующие метаязыковые средства часто ведут лишь к временной остановке диалога, - после паузы он возрождается снова. Если речевой акт, приведший к блокаде, изначально, был удачным, то и сама блокада как бы "снимается" в процессе беседы. В наших терминах, целесообразно говорить о том, что речевой акт удался, но он не был до конца успешным (ср. подробнее Freidhof 1992). В этом же смысле можно понять следующий пример (Войнович, 1979, 120 сл.):

Ты пойми, Нюра, я к тебе отношусь по-прежнему. Но твой супруг оказался очень нехорошим человеком. (...) И это сейчас, когда немцы убивают наших мужей (...), сейчас ложиться с немцем в постель, это надо потерять всякий стыд, это надо, не знаю до чего докатиться.

- Михална, а, Михална, - вмешалась вдруг до того молчавшая Катя, - так этот же Ванька ейный, он же не немец, он русский.

- А я не с тобой говорю, - рассердилась она на Катю. (...) Любовь Михайловна замолчала, давая понять, что разговор окончен. (...)

- Михална, а, Михална, - снова встряла Катя. - Мужик-то Нюркин, он ей не муж был вовсе, она ж с ним без расписки жила.

(курсив наш, Г.Ф.)

Любовь Михайловна реагирует на реплику в стиле новой блокады, теперь уже оформленной без помощи метаязыковых средств ("А ты, - рассердилась она, - не лезь куда не просят, не лезь, не лезь"; там же, 121). Показательно, что немецкий переводчик распространяет объектно-языковую модель перевода с помощью метаязыковой вставки (Woinowitsch, 1985, 150 сл. - курсив наш, Г.Ф.):

"Halt endlich die Klappe und misch dich nicht ein", erwiderte die Chefin zornig.
"Ohne Standesamt zu pennen ist sogar noch schlimmer. Das bedeutet praktisch: bloß aus Liebe."

Es wird erzählt, Njura Beljaschowa sei an jenem Tag durchs Dorf gerannt (...)

Блокаде, оформленной метаязыковыми вставками, у Войновича

часто противопоставлен функционально обратный феномен, то есть успешный или безуспешный призыв к началу разговора. Такие метаязыковые вставки, часто фразы, примеры которых мы приводим в конце настоящего текста, представляют собой другой важный надструктурный компонент диалога, изучение которого представляет интерес. Вот оба примера (курсив наш, Г.Ф.)

- Встать! Сесть! - закричал Филиппов. - Встать! Сесть! Встать! Сесть!
Чонкин встал, сел, встал, сел, - дело привычное.

- *Будешь говорить?*

Чонкин молчал.

(Войнович 1979, 40 сл.)

- Ну ладно, - сказал лейтенант. - Это оставим. Перейдем к другому.
Скажи мне, как ты очутился в деревне Красное?

- Как очутился?

- Ну да.

- В деревне Красное?

- Ну да, да, - повторил лейтенант несколько раздраженно. (...) (там же, 37 сл.)

Литература

- Т.М. Николаева, О принципе "некооперации" и/или о категориях социолингвистического воздействия. *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста*. Москва 1990, 225-235.
- Е.В. Падучева, Прагматические аспекты связности диалога. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, 41/1982, 305-313.
- Н.Ю. Шведова, К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. *Вопросы языкознания* 1956,2, 67-82.
- Н.Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису разговорной речи*. Москва 1960.
- В. Войнович, *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*. Париж 1975.
- В. Войнович, *Претендент на престол. Новые приключения солдата Ивана Чонкина*. Париж 1979.
- Т.А. van Dijk, *Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung*. Tübingen 1980.
- G. Freidhof, Dialoganalyse, Gliederungspartikeln und Übersetzen (mit Belegen aus dem Slavischen, insbesondere Russischen und dem Deutschen). *Zeitschrift für Slavische Philologie* LI (1991), 225-290.
- G. Freidhof, Typen dialogischer Kohärenz und Illokutions-Blockade (mit Belegen aus dem Russischen und Tschechischen). *Zeitschrift für Slawistik* 37/1992, 215-230.
- H.P. Grice, Logik und Gesprächsanalyse. *Sprechakttheorie. Ein Reader*. Herausg. von P. Kußmaul. Wiesbaden 1980, 109-126.
- J. Hašek, *Osudy dobrého vojáka Švejka. I-IV*. Praha 1967.

- J. Hašek, *Die Abenteuer des braven Soldaten Schwejk. Bd. 1.* Reinbek bei Hamburg 1976.
- J. Hašek, *Die Abenteuer des braven Soldaten Schwejk. Bd. 2.* Reinbek bei Hamburg 1977.
- G. Helbig, *Lexikon deutscher Partikeln.* Leipzig 1988.
- G. Hindelang, *Einführung in die Sprechakttheorie.* Tübingen 1983. (*Germanistische Arbeitshefte* 27).
- U. Hinrichs, *Linguistik des Hörens. Hörverstehen und Metakommunikation im Russischen.* Wiesbaden 1991.
- R. Jakobson, *Linguistics and Poetics. Style in Language. Edited by T.A. Sebeok.* New York/London 1960, 350-377.
- P. Kosta, *Probleme der Švejk-Übersetzungen in den west- und südslavischen Sprachen. Linguistische Studien zur Translation literarischer Texte.* München 1986. (*Specimina philologiae Slavicae, Supplementband* 13)
- K. Lindner, 'Wir sind ja doch alte Bekannte.' The use of German *ja* and *doch* as modal particles. *Discourse Particles. Edited by W. Abraham.* Amsterdam/Philadelphia 1991, 163-201.
- Mluvnice češtiny. 3: Skladba.* Praha
- O. Müllerová, *Kommunikativní složky výstavby dialogického textu.* Praha 1979.
- K.P. Schneider, *Small talk. Analysing Phatic Discourse.* Marburg 1988.
- H. Weydt, Was soll der Übersetzer mit deutschen Partikeln machen? "Nachts schlafen die Ratten doch" als Beispiel. *Studien zur kontrastiven Linguistik und literarischen Übersetzung. Herausg. von A. Kátny.* Frankfurt am Main u.a. 1989, 235-252.
- W. Woinowitsch, *Die denkwürdigen Abenteuer des Soldaten Iwan Tschonkin.* Darmstadt/Neuwied 1975.
- W. Woinowitsch, *Iwan Tschonkin Thronanwärter.* Zürich 1985.

Союзные частицы в славянских языках в сопоставлении с немецкими частицами (на материале диалогических текстов)

1. Хочется начать с цитирования первого абзаца из нового исследования А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина "Иллокутивное вынуждение в структуре диалога" (ВЯ 2/1992). В нем сообщается следующее:

"Только в диалоге в полной мере обнаруживается сущность языка", - утверждал М. Хайдеггер. Развитие представлений о строении и функционировании языковой системы в последние десятилетия с несомненностью подтверждает мнение Хайдеггера. Диалог, будучи одной из форм существования языка, является едва ли не важнейшей областью проявления языковых закономерностей. Отличие диалога от других сфер функционирования языка заключается прежде всего в сложной картине взаимодействия интенций коммуникантов. Нормальный ход диалога предполагает согласование иллокутивных намерений участников, которое заключается в удовлетворении их взаимных претензий. Участвуя в диалоге, мы и сами вынуждены выполнять разнообразные речевые и неречевые действия и заставляем партнера реагировать на них определенным образом. Каждое такое речевое и неречевое вынуждение получает ответную реакцию со стороны участника (...). Комплекс взаимных реакций участников образует сложную структуру, которая может быть задана в виде системы правил (...).

Эти слова, на наш взгляд, достаточно ясно объясняют то, почему лингвистические исследования последних лет, проводимые в разных странах, особо интенсивно разрабатывают проблему анализа диалогических структур. Анализ диалога - это, разумеется, лишь одна составляющая в той области языкознания, которая выдвинулась на передний план после так называемого "прагматического поворота" в парадигме лингвистических исследований (наряду с теорией речевых актов, лингвистикой текста и социолингвистикой).

2. Исходным пунктом для настоящего исследования послужили некоторые научные изыскания, побудившие нас к занятию данной темой и связанными с ней проблемами - в частности, проблемой использования союзных частиц в репликах. Кратко остановимся на отдельных упомянутых выше изысканиях.

В своей монографии "Particles in Colloquial Russian" А.Н. Васильева приводит следующий диалог на русском языке (Vasilyeva, 151):

- Митю можно?
- А он на работе.

- А когда он будет?
- А кто его спрашивает?
- Это его друг.
- А как вас зовут?
- Сергей.
- А он знает, что Вы должны позвонить?
- Нет, не знает. А Вы можете передать ему, что я звонил?

Аргументы, на основании которых автор пытается объяснить употребление союзной частицы *a*, вне всякого сомнения, базируются на интуиции. Приводимые мотивировки не отличаются описательной убедительностью и нисколько не выявляют сути. Дословно автор утверждает следующее (151): "In dialogue, the particle *a* is placed at the beginning of the sentence, especially in questions, which is a sign of ellipsis, of a hidden logical link with the omitted parts, and which emphasises the spontaneity of a live conversation." Ни описания, ни истолкования таких понятий, как "эллипсис" или "опущенная часть" автор не предлагает.

По контрасту с приводимым автором английским переводом, в котором русская частица *a* передается иногда как *but*, иногда - как *and*, немецкий текст перевода демонстрирует использование совсем иных частиц, вроде следующих:

- Kann ich bitte Mitja sprechen?
- Der ist *doch* auf der Arbeit.
- Wann wird er *denn* da sein?
- Wer sind Sie *denn*?
- Sein Freund.
- *Und* wie ist Ihr Name? / Wie ist Ihr Name *denn*?
- Sergej.
- Weiß er *denn*, daß Sie anrufen mußten/wollten?
- Nein, er weiß es nicht. Können Sie ihm *aber* ausrichten, daß ich angerufen habe?

Наш перевод демонстрирует, что употребление так называемых "оттеночных (модальных) частиц" для немецкого языка типологически значимо, и сам этот факт служит основанием для иного наблюдения. В своей работе, посвященной переводу немецких оттеночных частиц, Гаральд Вейдт определил, что лишь половина немецких частиц имеет адекватные соответствия в английском и французском языках (переводах), в прочих же случаях частицы-эквиваленты отсутствуют (Weydt 1989, 237).

Даже если принять во внимание то, что результаты были получены на основе анализа очень малого корпуса текстов (рассматрива-

лись английский и французский переводы рассказа Вольфганга Борхерта "Nachts schlafen die Ratten doch"), и в этом случае принципиальная правильность его выводов не может быть подвергнута сомнению.

Проблема, которой лишь незначительно касается упомянутое исследование, заключается в следующем: возможно ли частичное замещение пропущенных в переводе частиц компенсирующими их союзами? Или, выражаясь иначе: могут ли союзы разных других языков быть функционально эквивалентными немецким оттеночным частицам? Процитированный выше русский диалог из работы Васильевой делает соответствующий вывод вполне допустимым.

И здесь мы переходим к третьему по счету наблюдению: немецкие оттеночные частицы типа *denn*, *doch*, *wohl* и им подобные не имеют прямых заместительных эквивалентов. Это не означает, однако, что сами эти частицы не предполагают многообразия функций.

В свою очередь описанное Мариной Личен употребление частицы *ra* сербско-хорватского языка (Ličen 1989) имеет полифункциональный характер. При переводе на немецкий язык она передается то посредством *wohl*, то как *denn*, но также и как *ja* или *schon*, а иногда даже ей соответствует частица *eben*. В связи с этим автор приходит к следующему выводу (там же, 172): "Was wiederum die s(erbo)k(roatischen) Entsprechungen betrifft, kann andererseits behauptet werden, daß der Register der Partikeln im Sk nicht die im D(eu)t(schen) angesprochenen propositionalen Einstellungen mit Genauigkeit wiederzugeben vermag, da er defekt ist, und nicht über die Vielfalt verfügt, die im Dt in diesem Bereich vorliegt (...)."

Характерная для сербско-хорватской частицы *ra* полифункциональность распространяема и на русскую частицу *a*, и на ее аналоги в других славянских языках; ниже мы вернемся к этой проблеме.

Наше последнее наблюдение касается ранее уже приводившихся в научной литературе комментариев по поводу терминологии, в которых обращалось внимание на то, что, кроме собственно союзов и собственно оттеночных частиц, существуют и такие частицы, которые могут использоваться то в одной, то в другой функции. В этой связи не подлежит сомнению, что в историческом плане речь должна идти об одной и той же этимологической модели. Выражаясь точнее, мы сталкиваемся в этих случаях с результатами диахронических процессов, подлежащих в то же самое время и синхронному описанию. Намеки на указанную проблематику обнаруживаются уже у А.Б. Шапиро, различавшего в русских диалектах союз *a* и частицу *a* (Шапиро 1953, 71 сл., 227 сл., 241 сл.). По поводу частицы *a* у Шапиро (241) говорится следующее:

Очень часто *a* стоит в начале предложения, которое никак нельзя рассматривать как связанное сочинительной связью с предыдущим предложением хотя бы уже потому, что данное предложение начинает собою какой-либо рассказ или новую самостоятельную часть его. Тем не менее наличие *a* указывает на то, что данное высказывание сопоставляется в каком-то отношении со сказанным ранее (говорящим или слушающим, а может быть, каким-нибудь третьим лицом). Иногда такое *a* может обозначать, что говорящий ставит свое высказывание в ту или иную связь со своими мыслями или чувствами, в речи не выраженными (...). Несколько иное значение *a* находим в других случаях, а именно: оттенок союза почти отсутствует - говорящий выражает посредством *a* какую-то степень важности, неожиданности, необычности того, что он сообщает. Здесь *a* уже, следовательно, является частицей в полном смысле слова.

Из приведенной цитаты следует, что переход от функции союза к функции частицы является весьма плавным. Цитата заставляет к тому же вспомнить название работы Элизабет Рудольф - "Satzgefüge mit *aber*. Opposition und Kontrast - aber wogegen?" (Rudolph 1989). Автор доказывала в ней, что немецкое *aber* во многих случаях играет лишь текстоорганизующую роль, так что контраст как таковой отодвигается на задний план (там же, 216).

Сходным образом о "союзных частицах" рассуждает и Н.Ю. Шведова. В предисловии к своей работе "Очерки по синтаксису русской разговорной речи" (Шведова 1960, 163) она ссылается на С. Карцевского, который отмечал, что при помощи подобных слов в диалоге маркируется психологическая позиция говорящего: речь идет о передаче интерлокутивного значения и одновременно - об интеракциональной составляющей подобных соединительных средств, выражающих не одно лишь союзное значение (или, точнее говоря, не выражающих союзное значение как доминирующее).

Изложенное позволяет прийти к следующему заключению: использование коннекторов в диалоге указывает на некоторые функции, не выявляемые аналогичным образом внутри монолога.

В литературе обнаруживаются и другие свидетельства, позволяющие развить аналогичный подход к проблеме. Так, Яна Хоффманнова, вступая в дискуссию по этой проблеме, делает, на наш взгляд, абсолютно верный вывод о том, что в связи с коннекторами постулаты традиционной классификации частей речи вовсе не предполагают существования изолированных друг от друга, непроницаемых классов слов (Hoffmannová 1984, 105). Это означает, что невозможно однозначно объяснить, представляют ли собой слова типа *a*, *ale* в соответствующих конкретных употреблениях союзы или же такие части-

цы, которые, помимо присоединительной функции (как синтаксического отношения), предполагают значимость и иных (прагматических и семантических) функций - таких, как "позиция", "положение инициатора", "субъективная модификация", "оттенки семантических отношений" (если следовать терминологии Хоффманновой - 204). Аналогичная дискуссия в связи с польскими частицами *a*, *ale* обнаруживается и в работе Генрика Миша (см. Misz 1981).

3. Для доказательства справедливости нашего тезиса о том, что немецкие оттеночные частицы весьма часто предполагают в качестве ответствий союзные частицы славянских языков, нами был проведен тест с носителями различных славянских языков (которые знают хорошо немецкий язык). Каждому из информантов предлагался для перевода на родной язык один и тот же немецкий текст. Этот текст включал в свой состав (на это мы не обращали специального внимания информантов) многочисленные оттеночные частицы (в частности *denn*, *doch*, *aber*, *ja*), помещенные, разумеется, в различные контекстные условия. В минидialogах, состоявших подчас всего лишь из пары реплик, предполагались не только различные последовательности речевых актов, но и, в терминах Е.В. Падучевой, проявление различных прагматических аспектов диалогической связности (ср. Падучева 1982). Из четырех аспектов этой классификации, касающейся связности диалога, наш материал охватывал в первую очередь иллокутивную связность. Периферия исследования предполагала анализ связности презумпций в ситуациях, когда речь слушающего обнаруживает расхождение с презумпцией говорящего. Изучался и такой вид связности, который касается условий осуществления речевого акта (например, когда под вопрос ставится оправданность самого вопроса и т.п.). Наконец, в качестве четвертого типа связности рассматривалась так называемая "импликатура".

Нет сомнения в том, что диалектная вариативность славянских языков имеет определенную связь с использованием союзных частиц. Так, установленным является то, что частица *a* русского и других славянских языков используется особо продуктивно в разговорных или диалектно окрашенных диалогических контекстах в качестве сигнала начала реплики.

Последний вывод подкрепляется данными проведенного нами теста, в ходе которого носитель сербско-хорватского языка, подвергавшийся тестированию дважды, дважды давал совершенно различные переводы. При попытке выявить причины расхождений выяснилось, что речь шла о разных регистрах сербско-хорватского языка.

Некоторые примеры служат доказательством этого:

"Diese Aufgabe muß ich schnell lösen." - "Weißt du denn, wie das geht?" //
 "Ovaj zadatak moram brzo rešiti." - "Znaš li, kako?" / "A znaš li, kako?"

"Ist die Reparatur schon beendet?" - "Das weiß der doch nicht." // "Je li
 popravka već gotova?" - "Ne zna on to!" / "Ma on to ne zna!" / "Tà on ne zna!"

"Ich will dich für morgen zu uns einladen." - "Was ist denn der Grund dafür?"
 // "Pozivam te sutra k nama (u goste)." - "Kojim povodom?" / "A kojim
 povodom?"

Аналогично, для чешского языка установлено, что использование частицы *a*, открывающей реплику, связано не только с увеличением разговорности, но и со сгущением просторечно-бытового колорита. Эти наблюдения подкрепляются сопоставлениями различных типов ответов в проведенном нами тесте.

Однако, в данной статье речь идет не о попытке выяснить то, какими должны быть условия беседы в социальном и тематическом планах и в отношении языкового варьирования. В ней решающая для нас проблема формулируется следующим образом: могут ли быть обнаружены и специфически диалогические основания для соответствующих употреблений союзных частиц? Основания такого рода могут заключаться в упорядоченности речевых актов, а также в наличии так называемой "очередности реплик" (turn-taking). На основании анализа диалога мы знаем о том, например, что turn-taking поддерживается определенными формами плана выражения и что, тем самым, реплики говорящего, как и цепочка речевых актов, могут быть расчленены на составляющие, что со всей определенностью предполагает существование "открывающего сигнала". Разумеется, попытка свести процедуру "открытия реплики" при посредстве союзных частиц к одной лишь технической стороне диалога была бы ошибкой - настоящий случай в этом отношении представляется нам скорее исключением из правил.

Организация диалога основывается в весьма значительной степени на возможностях ее аргументированного объяснения, что предполагает следующие моменты: открытие реплики связано с определенными противоречиями; открытие реплики связано с некоторым заключением; открытие реплики связано с определенным предположением, с пресуппозицией и т.д.

4. Один из самых продуктивных случаев использования союзной

частицы *a* - это "уточняющий вопрос". Как это должно быть очевидным из структуры термина, речь в данном случае идет о вопросе, предполагающем уточнение в широком смысле слова. Уточнение такого рода может характеризоваться различными спецификациями, ибо, как правило, данный вопрос следует за другим вопросом или высказыванием, включающим в себя различные другие точки зрения, значимые для слушающего. Таким образом, здесь можно предполагать либо модель "высказывание - вопрос", либо модель "вопрос - вопрос".

Во многих случаях при этом можно обнаружить наличие некоторого соответствия с немецкой частицей *denn*. Вот ряд польских примеров:

"Pójdę jutro do kina." - "A czy masz czas?"

"Chcę cię na jutro do nas zaprosić." - "A z jakiej okazji?"

"Ile jest dwanaście razy dwanaście?" - "A sam(a) wiesz?"

"Czy Irina już odleciała?" - "A co to ciebie obchodzi?"

Последний пример наглядно демонстрирует, что и вопросы, относящиеся к условиям постановки вопроса (см. выше), могут начинаться "открывающей" их частицей *a*. Это наблюдение, очевидно, сохраняет свою актуальность для тех славянских языков, в которых *a* употребляется как продуктивная полифункциональная лексема. В связи с этим могут быть приведены параллельные примеры разных славянских языков: "A šta je tebe briga?" / "A šta se to tebe tiče?" - "A tebe-to kakoe delo?" - "A proč tě to vlastně zajímá?"

В вышеприведенных примерах в случае исходных немецких предложений речь идет о наличии в структуре вопроса формулировки с *denn* (типа "Was geht dich das *denn* an?"), так что такому вопросу соответствует утвердительная конструкция с *doch* ("Das geht dich *doch* nichts an").

В случае обращения к функциональному (семантическому и прагматическому) описанию частицы *a* в соответствии с моделью "вопрос - вопрос", характеризующей условия постановки вопроса, получены следующие результаты: 1) В подобных контекстах невозможно говорить о семантическом противопоставлении высказываний (ср., например: Girke 1970; Кручинина 1986; Санников 1989 и др.); 2) Со значительно большими основаниями речь должна идти о прагматическом контрасте, когда право на задавание вопроса (в качестве речевого акта) подвергается сомнению.

Можно попытаться переформулировать это утверждение приблизительно следующим образом: X задает вопрос, но У предлагает

иной вопрос (или, другими словами: X утверждает своим вопросом право задать его, но Y утверждает противоположное). Если подобная переформулировка допустима - чего, с нашей точки зрения, нельзя отвергать, - то данная союзная частица могла бы трактоваться как прагматический коннектор. Отличие последнего от союза *a* заключалось бы тогда единственно в том, что союз используется для обозначения противопоставления эксплицитно обозначенных частей высказывания (приблизительно следующим образом: "Днем буду работать, а ночью и по субботам учиться. - Кручинина 1988, 139), тогда как союзная частица указывает на противопоставление имплицитно очевидных, но формально не репрезентированных классов речевых актов ("Как говорящий, ты о чем-то спрашиваешь, но как слушающий я утверждаю, что ты не имеешь на это право"). Можно заметить, что контраст потому и является скрытым, что обобщаемые речевые акты (типа "спрашивать - утверждать") лишь в исключительных случаях репрезентируются эксплицитно.

Вовсе не случайным оказывается и то, что в немецких эквивалентах тех же предложений союзным частицам соответствуют выражения с *denn*: именно эта оттеночная частица и предназначена для того, чтобы "eine Einstellung des Sprechers, daß etwas in Frage steht, was er eigentlich als gegeben (oder nicht gegeben) vorausgesetzt hat, (zu kennzeichnen); damit wird (...) zugleich meist konversationsbezogen auf Vorausgehendes rückwärtskonnectierend Bezug genommen (kausal-logischer Zusammenhang mit vorhergehender Äußerung wird von Gesprächspartnern mitverstanden), wodurch die Fragen den Charakter von Rückfragen erhalten" (Helbig 1988, 105-106).

Из вышеизложенного следует, что возможные совпадения частицы *a* русского (а также других славянских языков) и частицы *denn* немецкого языка в плане семантики базируются на их тождественной коннекторной функции.

5. Помимо связности реплик, имплицированной условиями протекания речевого акта, имеет место и презумптивная связность, составляющая другую разновидность связности, в статистическом отношении ограниченная и второстепенная по своей значимости. Суть этого типа связности состоит в том, что слушающий, не подтверждая предположения (презумпции) говорящего, отклоняет его. В немецком языке этой функции в большинстве случаев соответствует оттеночная частица *doch*, например: "Wer hat das Loch in das Fenster geschlagen?" - "Da ist doch gar kein Loch!"; "Was hat Ivan gesagt?" - "Er hat doch gar nichts gesagt!"

Как выясняется, в сербско-хорватском языке в плане реализации этого типа связности значимым оказывается использование частицы *pa* или *tà*, как например:

"Ko (kto) je naćinio rupu u prozoru?" - "Pa to nije nikakva rupa!"

"Što (šta) je Ivan rekao?" - "Pa on uopće ništa nije rekao!" / "Tà on uopšte nije ništa rekao!"

В сербско-хорватском языке употребление частицы *pa* или *tà* служит признаком разговорной природы реплики, что находит, в частности, подтверждение в различной структуре ответов, содержащихся в проведенном нами тесте. Вот примеры:

"Ich sag' dir im Vertrauen, Peter ist schon gekommen." - "Das ist aber/doch keine Neuigkeit!" // Reći ću u pov(j)erenju, Petar je već stigao." - "To nije nikakva novost!" / "Pa to nije neka novost!" / "Tà to i nije neka novost!"

В польском языке для соответствующих контекстов характерно использование частицы *ależ* или частицы *przecież*:

"Co Iwan powiedział?" - "Przecież (ależ) on nic nie powiedział."

"Między nami mówiąc, Piotr już przyszedł." - "Ależ to żadna nowość!"

"Nie możesz uważać, jak chodzisz?" - "Przecież uważam!" / "Ja przecież uważam!"

В аналогичной ситуации чешский употребляет преимущественно *přese*, *vždyt'* или *ale*, например:

"To přese není žádná díra!"

"On přese neřekl vůbec nic."

"To přese není žádná novinka." / "To ale není žádná novinka."

"Vždyt' dávám pozor!"

Приведенные выше примеры из различных славянских языков отчетливо демонстрируют, что в соответствующих предложениях употребление союзной частицы *a* является нетипичным. Можно предположить, что реализуемое частицей *a* противопоставление слишком слабо, для того чтобы отменить презумпцию предыдущей реплики.

6. Основной же функцией союзной частицы *a* русского языка является, как уже отмечалось выше, функция выражения иллокутивной связности. Это определяется, конечно, и тем, что именно данный тип диалогической связности оказывается наиболее продуктивным.

Если, к примеру, ответ на вопрос дается в виде встречного вопроса (ср. выше: "А когда он будет?" - "А кто его спрашивает?"), то подобное явление воплощает в себе цепочку директивных речевых актов (эксплицитно обозначенных в форме "Скажите, когда/кто ..." или же в форме "Я прошу Вас, скажите, когда/кто ..."); эти акты требуют контрастивного (прагматического) коннектора уже хотя бы в силу того, что начальный директивный речевой акт в определенном смысле остается "без завершения". Итак, союзная частица маркирует функцию акционального противоречия.

Иллокутивное соединение при помощи частицы *a* не предполагает "открытого противоречия" - это подтверждают и реплики из приведенного выше диалога: "Митю можно?" - "А он на работе." На первый взгляд, ответ не включает в себе абсолютно никакого противоречия: представляется, что речь идет всего лишь об ответе на поставленный вопрос. Однако в случае более тщательного исследования выясняется, что начальное впечатление неверно, и определить это помогает и немецкий перевод ("Der ist *doch* auf der Arbeit."). В этой реплике, как можно предположить в случае принятия иллокутивной трактовки, сообщается, конечно, прежде всего об ответе. Но в ответе имеется и высказывание с эпистемическим значением (ср. Doherty 1985 и Lindner 1991) - это последнее, на наш взгляд, манифестируется и русской союзной частицей. Оттеночная частица *doch* немецкого языка "(bestätigt eine) Einstellung, drückt eine Verstärkung aus durch Erinnerung an Bekanntes, aber Vergangenes und in Vergessenheit Geratenes, das auf diese Weise vom Sprecher in das Bewußtsein des Hörers zurückgerufen werden soll. Mit *doch* wird an gemeinsame Wissensbasis appelliert, Sprecher will seine Einstellung auf Hörer übertragen und ihn illokutiv zur Zustimmung auffordern" (Helbig 1988, 111).

Можно заключить, что во вступительной реплике ("Митю можно?") исходная посылка является неверной, или, иными словами, говорящий располагает ложной пресуппозицией (состоящей в предположении, что Митя может быть дома).

Речь в данном случае должна идти об определенной категории противоречий. В немецком языке противоречие реализуется при помощи эпистемической частицы *doch*, в русском же примере - при помощи союзной частицы *a*. Невозможно усмотреть принципиального расхождения между немецким и русским примерами, даже при условии, что здесь вновь может идти речь о различиях в акцентах. В русском языке сильнее выделяется союзно-соединительный компонент, тогда как в немецком с большей силой подчеркивается эпистемо-соединительная составляющая. Но в обоих случаях подразуме-

вается все же коннектор при *turn-taking*, способный нести эпистемическую нагрузку.

Эти наблюдения и соображения подводят к выводу о том, что использование частицы *a* в диалоге часто может объясняться в аспекте противопоставления - вопрос в том, о скрытом или явном противопоставлении должна идти речь. Краткий диалог, приведенный в книге Васильевой, отчетливо демонстрирует, что достаточно наличия весьма ограниченного в формальном плане противопоставления, чтобы приблизиться к использованию частицы *a* в ситуации "поворота темы". Переход от реплики "Это его друг" к реплике "А как Вас зовут?" предполагает вопрос-продолжение, не содержащий ни одного контрастивного элемента. Вторая реплика содержит не более и не менее, как новую информацию по поводу обсуждаемого положения дел, точнее говоря, она запрашивает эту информацию. Каждый последующий вопрос можно было бы осознать в аспекте ограниченного противопоставления, потому что он включает в себе изменение или, по крайней мере, спецификацию темы сообщения.

Если сформулировать это точнее, в данном контексте введение частицы *a* призвано одновременно сигнализировать открытие реплики в функции вопроса, продолжающего диалог. Интересно, что в немецком языке в этой же функции может использоваться частица *denn* (точно так же, как и союз *und!*) - например: "Wie heißen Sie denn?" / "Und wie ist Ihr Name?" Через сопоставления с эквивалентными выражениями немецкого языка можно описать и дальнейшие условия использования частицы в русском языке. Актуальным в данном случае должно явиться выявленное Хельбигом (Helbig 1988, 107) значение неударного *denn* в немецких вопросах-продолжениях, а конкретно то, что спрашивающий исходит из той посылки, что слушающий в состоянии ответить на поставленный им вопрос.

Вот разъяснения Хельбига (там же): "Im Sprechakttyp Frage; bezieht sich auf etwas, was dem Hörer bekannt ist (oder von dem angenommen wird, daß es ihm bekannt ist), motiviert die Frage aus der Situation (meist in Fortsetzung eines Gesprächs), ist konversationsbezogen und rückwärtskonnectierend (reaktiv) (...), gestaltet eine Frage natürlicher und freundlicher."

Эта функция употребления русского *a* отличается от функции использования контрастивной связки *a*. Речь, собственно говоря, идет об организации диалога или о соответствующем оформлении *turn-taking*. Следует говорить - при условии определенного контекста (вопроса-продолжения) - о весьма распространенной форме мены говорящих (ср. Freidhof 1991a, 26, а также 1991b, 252), которая, впрочем, оказывается актуальной и для абсолютного начала диалога (на что

указывал еще Шапиро, см. выше).

Так называемые "дальнейшие вопросы", открываемые посредством частицы *a*, весьма часто встречаются в таких текстах, которые предполагают использование в диалогах формул разговорного языка. Характерен следующий пример (Шукшин 1982, 275):

- Тут подождите пока, - говорили им. Никого не били, особенно даже и не злobiliсь.
- А что с нами делать будут? - спросили, кто посмелей, из горестного ряда под колокольней. (.....)
- Ждите, - опять сказали им.
- А что сделают-то? - извязался один купец с темными выпученными глазами.

7. Интересный тип связности, охарактеризованный Грайсом (Grice, 1980), представляет собой так называемая "импликатура". Актуальность проблемы импликации - применительно к данному исследованию - состоит в том, что использование возможных частиц или иных форм выражения может объясняться только через нерепрезентированные составляющие высказывания, которые при помощи импликации (то есть посредством вывода) выявляются за репрезентированными репликами. Данный тип связности представляет определенную проблему, заключающуюся в том, что подлежащие обнаружению составляющие текста (и это обусловлено как раз тем, что они не являются репрезентированными) могут быть восстановлены лишь с известным приближением. Выражаясь по-другому: этим восстанавливаемым составляющим должен приписываться признак некоторой неопределенности.

На основании изучения славянских соответствий к немецким диалогам с импликатурой можно прийти к следующему заключению. Имеет место тенденция к выбору одного из нескольких вариантов соответствий немецкой частице *doch*, выбранной в качестве языкового индикатора импликации внутри импликации: может использоваться соответствующая славянская частица, может иметь место эксплицитная семантизация, или же может подразумеваться полный отказ от передачи немецкой частицы. Так, для польского характерно использование частицы *przecież* - например: *Przecież przed mieszkaniem Piotra stoi czerwony samochód!* В русском языке, как нам представляется, равно вероятны и нулевая реализация (опущение), и использование частицы *ведь*, например:

- Weißt du, wo Anna zur Zeit ist?

- Da steht doch ein roter Wagen vor Peters Wohnung!
- Ты знаешь, где сейчас Анна?
- Вон перед квартирой Петра стоит красная машина (нулевая реализация/опущение)

- Wie lange arbeitest du schon bei der neuen Firma?
- Ich habe doch bisher noch keinen Urlaub bekommen können, wie du weißt.
- А ты сколько уже времени работаешь в новой фирме?
- Я ведь до сих пор не мог получить отпуска, как ты знаешь.

В противоречии с только что сделанным наблюдением можно отметить, что в данном контексте в принципе возможно и использование союзных частиц, однако подобное употребление не является продуктивным.

Пожалуй, наиболее характерный случай употребления представлен сербско-хорватской частицей *pa*. В качестве доказательства приведем два примера из сербско-хорватского и русского языков:

- Znaš-li, gdje/gde Anna trenutno?
- Pa tu stoji neka crvena kola pred Petrovim stanom.
- Не знаешь ли, где Анна?
- Да вон красная машина стоит перед квартирой Петра.

8. В заключении стоило бы еще обратить внимание на один нюанс, уже рассматривавшийся ранее в книге Васильевой. Речь идет о возможной экспрессивно-эмоциональной окрашенности высказывания посредством частицы *a* (Vasilyeva, 151):

- Не знаешь, где моя синяя чашка?
- А в шкафу. Где ей еще быть?
- А что-то я не вижу.
- А посмотри как следует.

Для подтверждения сказанного можно привести и два примера из произведений Шукшина (Шукшин 1982, 206, 80):

- В раннюю рань к лагерю разинцев подскакали трое конных; караульный спросил, кто такие.
- Аль не узнал, Кондрат? - откликнулся один с коня.
 - Тю!.. Фрол?
 - Где батька?
 - А вон в шатре.
 - Na da, im Zelt. (Schukschin 1980, 256)

- Укажи тада, чего делать? - тоже недобро спросил князь Львов.
- А вот и не знаю. Знал бы - указал. То-то и оно, что не знаю. (...)
- Weiß ich eben nicht. (Schukschin 1980, 100)

С нашей точки зрения, нельзя полностью пренебречь тем выводом, который Васильева делает с опорой на свою интуицию. Однако следует отметить, что ее наблюдения не исчерпывают всей проблематики. Экспрессивность, которую рассматривает Васильева, является, с нашей точки зрения, не чем иным, как обращением говорящего к базовым знаниям собеседника (показателем фамильярности или интимности диалога). Введением в диалог частицы *a* собеседнику приписывается определенное знание, большее по объему, чем то, которое обнаружилось в его высказывании.

В подтверждение нашего вывода приведем немецкий перевод краткого диалога из книги Васильевой:

- Weißt du nicht, wo meine blaue Tasse ist?
- Ist *doch* im Schrank!
- Seh' ich *aber* nicht!
- Dann schau *doch* richtig hin!

Экспрессивная сила высказывания, осознаваемая нами интуитивно, является всего лишь функцией эпистемической модальности. На наш взгляд, здесь не может быть реализована никакая иная функция, отличная от модальности. Переводы Решке указывают на наличие именно модального компонента, он может быть выделен еще более выпукло в следующих эквивалентах: "Da doch im Zelt" - "Weiß ich doch auch nicht!"

Подводя итоги сказанному, необходимо указать на существование в славянских языках особой части речи, функционально занимающей промежуточное место между частицей и союзом, при этом в одних случаях значимой оказывается функция частицы, в других - функция союза. Лишь в ограниченном числе случаев положение союзной частицы в начале реплики связано с преобладанием функции структурирования текста над другими функциями.

Все изложенное представляет собой, на наш взгляд, лишь отдельные наблюдения, их соединение в одном систематическом описании является делом будущего. Но из сказанного очевидно, что лишь полифункциональный подход к проблеме (при интерпретации отдельно взятого примера) является надежным в исследовательском отношении.

Литература

- А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин, Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. *Вопросы языкознания* 2/1992, 84-99.
- И.Н. Кручинина, *Структура и функции сочинительной связи в русском языке*. Москва 1988.
- Е.В. Падучева, Прагматические аспекты связности диалога. *Известия Академия наук СССР. Серия литературы и языка* 41 (1982), 305-313.
- В.З. Санников, *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. Москва 1989.
- А.В. Шапиро, *Очерки по синтаксису русских народных говоров*. Москва 1953.
- Н.Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва 1960.
- В. Шукшин, *Я пришел дать вам волю*. Москва 1982.
- M. Doherty, *Epistemische Bedeutung*. Berlin 1985 (= *studia grammatica XXIII*).
- G. Freidhof, Umgangssprachliche Gliederungssignale in Dialogen der Schönen Literatur. *Die Welt der Slaven XXXVI = N.F. XV (1991a)*, 18-29.
- G. Freidhof, Dialoganalyse, Gliederungspartikeln und Übersetzen (mit Belegen aus dem Slavischen, insbesondere Russischen, und dem Deutschen). *Zeitschrift für Slavische Philologie LI (1991b)*, 225-290.
- W. Girke, Sätze mit no, i und a. *Slavistische Linguistik 1977. Herausg. von W. Girke und H. Jachnow*. München 1978, 26-40 (= *Slavistische Beiträge* 120).

- H.P. Grice, Logik und Gesprächsanalyse. *Sprechakttheorie. Ein Reader.* Herausg. von P. Kußmaul. Wiesbaden 1980, 109-126.
- G. Helbig, *Lexikon deutscher Partikeln.* Leipzig 1988.
- J. Hoffmannová, Typen der Konnektoren und deren Anteil an der Organisation des Textes. *Text and the Pragmatic Aspects of Language.* Ed. by J. Kořenský and J. Hoffmannová. Praha 1984, 101-140 (= *Linguistica X*).
- M. Ličen, Die serbokroatische Partikel "PA" und ihre deutschen Entsprechungen. *Sprechen mit Partikeln.* Herausg. von H. Weydt. Berlin/New York 1989, 171-184.
- K. Lindner, 'Wir sind ja doch alte Bekannte'. The use of German *ja* and *doch* as modal particles. *Discourse Particles.* Ed. by W. Abraham. Amsterdam/Philadelphia 1991, 163-201.
- H. Misz, *Studia nad składnią współczesnej polszczyzny pisanej.* Toruń 1981.
- E. Rudolph, Satzgefüge mit *aber*. Opposition und Kontrast - aber wogegen. *Sprechen und Hören. Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988.* Herausg. von N. Reiter. Tübingen 1989, 209-221 (= *Linguistische Arbeiten 222*).
- W. Schukschin, *Rebellen gegen den Zaren. Ein Kosakenroman.* Stuttgart 1980 (переводчик: Th. Reschke).
- A.N. Vasilyeva, *Particles in Colloquial Russian.* Moscow (без года).
- H. Weydt, Was soll der Übersetzer mit deutschen Partikeln machen? - "Nachts schlafen die Ratten doch" als Beispiel. *Studien zur kontrastiven Linguistik und literarischen Übersetzung.* Herausg. von A. Kątny. Frankfurt am Main etc. 1989, 235-252 (= *Europäische Hochschulschriften. Reihe XXI. Band 76*).

Типы диалогической связности и иллокутивная блокада (на основе русских и чешских примеров)

1. Отправными материалами для настоящего исследования послужили наблюдения, сделанные при чтении драмы Чехова "Три сестры". В различных частях текста встречается т.н. "прерывистый диалог" (явление имеет место и в других произведениях Чехова, поэтому можно говорить о нем как о художественном приеме). Понятием "прерывистый диалог" обозначается последовательность реплик, которая не соответствует классическим условиям построения иллокутивных пар (таких, как вопрос-ответ, сообщение-комментарий, обвинение-оправдание, вопрос-дополнительный вопрос). Так, к примеру, протекает диалог между Андреем и тугим на ухо Ферапонтом (Чехов, 1967, 510), в котором собеседники в своих репликах почти не реагируют друг на друга. Здесь как бы сосуществуют два параллельных почти независимых друг от друга нарративных текста, которые лишь по своему внешнему виду напоминают диалог (термин, уместный здесь, - *turn-taking* - очередность реплик), но при этом в главной позиции существенно отличаются от него, а именно: собеседники не реагируют на реплики друг друга. Тугоухость Ферапонта - это лишь формальный прием, в рамках действия которого чеховские персонажи не отвечают собеседнику, а часто и не готовы отвечать.

В подобном случае вряд ли уместно говорить о связности диалогического текста. Связность осуществляется между репликами одного и того же персонажа (с одной стороны, это Андрей, с другой - Ферапонт), но не между следующими в прямом порядке репликами (Андрей - Ферапонт - Андрей).

В той же драме Чехова встречаются сходные явления, когда нарушается естественная последовательность речевых иллокутивных актов. В своем развернутом монологе Ирина отвечает на вопрос Кулыгина следующей репликой: "Stellt keine Fragen ... Ich bin müde" (Čechov 1974, 45 - перевод Петера Урбана). Ольга реагирует на реплику Маши словами "Laß das, ich höre sowieso nicht zu" или "Ich höre sowieso nicht zu. Was für Dummheiten du auch sagst, ich höre sowieso nicht zu" (там же 58). Из таких реплик очевидно, что слова собеседника так или иначе регистрируются сознанием слушающего, но готовность к нормальной, предполагающей ответ, коммуникации отсутствует. Иллокутивное развитие диалогического действия блокируется в силу различных причин. И все же, как нам представляется, возможно установить определенную связь между отдельными репликами, и не только на интуитивном уровне. Для иллюстрации сказанного приведем вторую из вышеупомянутых цитат (Чехов 1967, 536; ср. 1974, 58):

М а ш а. (.....) Я люблю, люблю ... Люблю этого человека ... Вы его только видели ... Ну, да что там. Одним словом, люблю Вершинина ...

О л ь г а (*идет к себе за ширму*). Оставь это. Я все равно не слышу.

М а ш а. Что же делать (*Берется за голову*). Он казался мне сначала странным, потом я жалела его ... потом полюбила ... полюбила с его голосом, его словами, несчастьями, двумя девочками ...

О л ь г а (*за ширмой*). Я не слышу все равно. Какие бы ты глупости ни говорила, я все равно не слышу.

М а ш а. Э, глупая ты, Оля. Люблю - такая, значит, судьба моя. (.....)

Связность внутри приведенного текста достигается при том условии, что Ольга квалифицирует реплики Маши как глупые ("Какие бы ты глупости ни говорила"), а затем как бы вообще перестает обращать внимание на собеседницу. Пытаясь наладить связность диалога, Маша противоречит собеседнице: "Э, глупая ты, Оля". С нашей точки зрения, обе реплики Оли имеют принципиальные отличия. Если вторая реплика является ответной реакцией на первую и взаимодействует с ней в форме законного упрека, то первая реплика "Оставь это. Я все равно не слышу" не предполагает иллокутивного согласования. На отсутствие согласования указывает и то, что сходные реплики никак не зависят от иллокутивного класса предшествующего высказывания. Реплика подобного типа может быть использована в контексте сообщения, упрека, извинения, оправдания и т.п.

Таким образом, если в первом случае построение иллокутивной пары вообще невозможно, то во втором случае упрек может интерпретироваться как иллокутивный акт. Однако подлинная иллокутивная пара, как нам представляется, невозможна и в последнем случае, поскольку упрек в том, что Маша говорит глупость, не обеспечивает прогрессивного движения диалога в собственном смысле слова; этот упрек скорее метаязыковой природы: высказывание Маши Ольга оценивает как глупую болтовню. Наши наблюдения также необходимы для ответа на вопрос о том, насколько рассмотренные высказывания связаны с неудачей речевых актов.

2. Один из основных вопросов, требующих ответа, состоит в следующем: какие классы/типы иллокутивной связности между репликами могут быть приняты в качестве основных. Здесь мы исходим из следующего списка:

- 1) Прогрессивно-иллокутивная связность
- 2) Прогрессивно-презумптивная связность
- 3) Прогрессивно-имплицатурная связность

Близкие типы связности, но несколько отличные от наших по терминологии, описаны Падучевой 1982а, 306 сл.: согласование реплик по иллокутивной функции; реплики, обращенные на презумпцию; связи реплик, основанные на импликатурах дискурса.

Под *прогрессивной иллокутивной связностью* мы понимаем такой вид связности, при котором реплики могут группироваться в иллокутивные пары. В качестве примера можно представить разговор на экзамене, где имеет место пара *вопрос-ответ*, или судопроизводство, в рамках которого встречаются пары *обвинение-оправдание*, а также *обвинение-отклонение обвинения*, или диалоги, содержащие аргументы, в которых вторым членом пары может быть согласие, противоречие, дополнительный вопрос, развитие какого-либо аргумента. В любом случае принципиально то, что диалог продвигается вперед в референциальном отношении, т.е. в него вносится новый смысл, который дополняет содержание иллокутивной рамки. Падучева 1982а, 306, исходит из следующего определения: "Иллокутивная функция высказывания - это выражение того или иного коммуникативного намерения говорящего - такого, как просьба, приказ, совет, уведомление, утверждение, выражение, благодарность, вопрос и т.п.". Очевидно родство дефиниции Падучевой с понятием коммуникативных функций в том виде, в котором они описаны в монографии Ольги Мюллеровой "Komunikativní složky výstavby dialogického textu" (Müllerová 1979). Автор говорит здесь о предложении, совете, требовании, предостережении, отказе, просьбе и т.д. (там же 55 сл.), которые в терминологии Мюллеровой являются коммуникативными функциями в диалогических репликах. Сходными терминами пользуется и чешская академическая грамматика, оперирующая понятием "Komunikativní složky výpovědi" (Mluvnice češtiny 3, 306 сл., 645 сл.). В отличие от Падучевой, которая основывается большей частью на западных работах по теории речевых актов, пражская школа, кроме иллокутивных пар, рассматривает отдельные реплики в связи с определенными фрагментами текста. Связь этих реплик иллюстрирует один пример из упомянутой грамматики (там же 648).

1A Milane, zítra bych chtěl svolat tu poradu. Máš čas?

2B V kolik hodin?

1A Hodilo by se ti to v osm?

2B Ano, tak zítra v osm u tebe.

В соответствии с теорией академической грамматики приведенный мини-диалог интерпретируется следующим образом: первая реплика (начальная) имеет две иллокутивные функции, - сообщение о намере-

нии говорящего и запрос об информации; вторая реплика реагирует на первую в форме дополнительного вопроса и, таким образом, тоже содержит запрос об информации; третья реплика содержит предложение, которое принимается в четвертой реплике.

Повторение иллокутивной пары, образец по которому строится обычный диалог, на практике встречается достаточно редко, исключение составляют некоторые типы текста (разговор у врача, судебное разбирательство, школьный урок - ср. там же), в которых доминирующей является иллокутивная пара "вопрос-ответ". Диалогические суперструктуры (термин введенный ван Дейком 1980, 128 сл., 221 сл.) как правило имеют более сложные функции, чем простое повторение иллокутивной рамки. В беллетристике эта рамка встречается редко; хорошим примером служит разговор у Сорокина 1985, 193, в котором так называемая *turn-taking* основывается на запрограммированной смене авторских реплик, т.е. спрашивающий собеседник настойчиво просит более точного ответа (ср. также Freidhof 1992, 13 сл.):

- Я их ссыпаю вон в ту банку.
- Это та красивая такая?
- Ага ...
- Люда, а ты действительно одна живешь?
- Нет.
- А с кем?
- С Кулькой.
- Кто это?
- Моя лучшая подруга.
- Подруга?
- Ага. Самый верный друг. Она щас на балконе.
- Как? Это кто?
- Кошка.
- Господи ... а имя почему такое?
- А это еще у бабушки была такая кошка. А я просто свою так назвала.
- Странная кличка.

Прогрессивно-презумптивная связность относится к таким репликам, в которых презумпция предыдущей реплики совершенно (или частично) отвергается. Этот тип, как убедительно показала Падучева, относительно часто встречается в произведениях Льюиса Кэррола, однако его общая частотность в художественной литературе и в устных диалогах низка. Прогрессивный характер данного типа связности состоит в том, что он способствует прояснению ситуации. Процитируем два примера из русского перевода "Алиса в стране чудес" (по Падучевой 1982 а, 311 сл.):

- Почему никто не подходит к двери?
- К какой двери? - спросил Лягушонок.

- Не стоит так сердиться из-за старой погремушки.
- Она не старая.

Вторая реплика выполняет функцию исправления той презумпции, от которой отталкивается собеседник: наличие какой-либо двери, а также возраст погремушки подвергается сомнению.

В отличие от второго третий тип, *прогрессивно-имплицатурная* связность, основан на понятии имплицатуры (точнее имплицатуры дискурса) в терминах Пауля Грайса. В соответствии с данным понятием в реплике с имплицатурой смысл и значение не тождественны друг другу: я говорю одно, а имею в виду нечто другое, обнаруживающее себя при вскрытии имплицитных связей; Грайс пояснил это на следующем примере (Grice 1980, III сл.):

А спрашивает В, как С устроился на новом месте, а В отвечает: *Я думаю очень хорошо. У него симпатичные коллеги и он до сих пор не попал в тюрьму.*

На первый взгляд данная рамка противоречит основному правилу модальности ("Избегай неясности выражения!"); однако нарушение правила как бы ослаблено тем, что в рамке с имплицатурой имеется в виду другой имплицитный смысл. Смысл реплики по Грайсу может быть следующим: "Ответ предполагает, что С принадлежит к людям легко поддающимся соблазнам, провоцируемым профессией" (там же). В связи с этим имплицатурную связность можно рассматривать как частный случай иллокутивного типа связности; в данном случае речь идет об иллокутивной паре *вопрос - ответ*.

Скрытой причиной использования имплицатуры по Ричмонду Томасону является следующее: "Ordinarily, we mean something by what we say. We can mean things without saying anything, and when we say something the meaning of the words we say needs not be the same as what we mean; the literal meaning of our utterances can be displaced"; и далее "We obviously can't say all that we know. In a real, interactive conversation we can't even say all that we feel is relevant and helpful; we have to make a selection (either a reasoned or a random selection), and to hope that things will get sorted out satisfactorily as the conversation progresses" (Thomason 1990, 344, 356).

Имплицатура предполагает "эксплицитное объяснение того, насколько возможно подразумевать больше, чем сказано (т.е. больше

того, о чем говорится буквально с помощью языковых средств, имеющих конвенциональный смысл" - Levinson 1990, 100 сл.). Левинсон приводит в связи с этим следующий мини-диалог:

А: Можешь сказать сколько времени?

В: Ну так пришел же разносчик молока.

Если семантико-грамматическая интерпретация текста предполагает всего лишь справку о том, что разносчик молока пришел в определенный момент времени, предшествующий моменту речи, то содержание, выраженное имплицатурой, подразумевает нечто иное: *"Нет, я не знаю точного времени, но я могу дать некоторую информацию о приходе разносчика молока, что позволит и тебе приблизительно определить время прихода"* (там же 101).

Имплицатура обеспечивает связность диалога через неязыковое знание собеседника. Это знание активизируется в тот момент, когда слушающий обнаруживает нарушение основных правил диалога, но одновременно убеждается в том, что это нарушение допущено собеседником не сознательно. Отметим, что нарушение основных правил диалога, сформулированных П. Грайсом, не является единственным условием имплицатуры. Проанализировав текст детективного романа, Герд Шанк установил, что релевантными в диалоге оказываются четыре "анти-правила", которые оказывают влияние на связность реплик (Schank 1987, 34 сл.):

1. Лги, но не больше, чем нужно.
2. Лги убедительно, т.е. оставайся возможно ближе к правде.
3. Притворяйся глупым, когда это возможно.
4. Говори многозначно, не дай себя разоблачить.

В заключение важно указать на различие между имплицатурой диалога и презумпцией (пресуппозицией) (ср. Падучева 1985, 48 сл.; см. 63 сл.). В подробном описании типов пресуппозиции Падучева отчетливо показала различия между ними: "Естественное различие состоит в том, что презумпции вытекают из значения слов и конструкций данного конкретного языка, в то время как имплицатуры порождаются коммуникативными постулатами, которые никак не связаны с конвенциональными свойствами конкретных языков, а вытекают только из общих условий успешности коммуникации" (там же, 63 сл.). Из этого определения ясно, что имплицатура диалога не может быть описана в терминах семантики и грамматики, поскольку

речь идет о конвенциональных средствах и структурах языка. Понятие имплицатуры выходит за рамки этих структур, оно может истолковываться только в рамках прагматического взаимодействия реплик, что включает в себя надъязыковые знания о ситуации и не подчинено условиям языковой конвенциональности. На эту особенность указывал также Грайс, который среди прочих определил неконвенциональные имплицатуры как имплицатуры дискурса (Grice 1980, 112).

3. Кроме трех названных типов связности нам бы хотелось выделить следующие:

4. Прогрессивно-метаязыковая связность
5. Стагнирующая метаязыковая связность
6. Связность с помощью задержки
7. Иллокутивная блокада

Типы 4 и 5 отличаются от типов 6 и 7 тем, что они содержат метаязыковые элементы; они отождествляются, попросту говоря, с *verba dicendi* и *audiendi* в широком смысле слова.

Прежде чем приступить к обсуждению названных типов, следует разъяснить некоторые представления, которые связаны с условиями удачи (успешности) речевых актов. Принцип удачи проявляется по-разному в рассмотренных типах и при этом различным образом влияет на связность между отдельными репликами.

Попытки определить принципы удачи речевого акта, впервые предпринятые в научной литературе Остином и Серлем, не привели к однозначному результату. Wunderlich 1976, 110 говорит об этом принципе следующее: "Der Begriff des *Gelingens* von Sprechakten (felicity, happiness) wurde von Austin (1962) eingeführt und dann in der ganzen weiteren Diskussion als ein Zentralbegriff der Sprechakttheorie verstanden. Dabei war es keineswegs klar, wie weit oder wie eng dieser Begriff zu nehmen war."

Ясно, однако, что имеется существенное различие между констатирующими и перформативными высказываниями. Maas/Wunderlich 1992, 135 говорят об этом так: "Es gibt einen Unterschied zwischen konstatierenden Äußerungen (constative utterances, oder statements) und performativen Äußerungen. Erstere können wahr oder falsch sein, letztere aber nicht. Letztere können glücken oder nicht. Damit werden den Wahrheitsbedingungen von statements die Bedingungen für das Glücken (happiness conditions) von performativen Äußerungen gegenübergestellt." Это ни в коем случае не означает, что констатирующие высказывания всегда являются успешными; они могут быть ошибочными при неверной пресуппозиции,

если, например, высказывание является неискренним или говорящий сам не верит в свои высказывания. Следуя Маасу и Вундерлиху можно прийти к заключению, что "alle Äußerungen (egal, ob es sich um Behauptungen bzw. Feststellungen oder um Aufforderungen, Fragen, Ratschläge usw. handelt) in ähnlicher Weise gewissen Bedingungen unterliegen, damit sie gelingen können: hierbei handelt es sich um eine Analyse auf der pragmatischen Ebene. Nur bei einem Typ von Äußerungen (nämlich Behauptungen bzw. Feststellungen) kommt zusätzlich die Frage ins Spiel, ob sie wahr sind oder nicht: dann handelt es sich aber um eine Analyse auf der semantischen Ebene" (там же, 136).

Здесь неуместно говорить о различных условиях успешности речевого акта (Searle 1983, 97 сл. или 1969, 97 сл. указывает на правило пропозиционального содержания/propositional content condition, на подготовительное правило/preparatory conditions, правило искренности/sincerity conditions и существенное правило/essential conditions). Для нашей темы существенно указать на различие между "успешностью речевого акта и выполнением изначального намерения (можно сказать: выполнением речевого акта)" (Maas/Wunderlich 1972, 140).

Ван Дейк (Van Dijk 1980, 74) называет речевое действие удачным, "если конечный результат речевого действия совпадает с желаемым результатом", в противном случае речевой акт считается неудачным (или неуспешным). Это определение представляется нам неточным, поскольку в нем не различаются стороны говорящего и слушающего. В значительной степени определяющей является роль слушающего, который может поддержать или нет удачный с точки зрения говорящего речевой акт (Harras 1983, 168). Можно показать проблематику на следующих примерах:

- Требование может быть удачным, если собеседник воспринимает его; но оно лишь тогда будет успешным, когда выполняется (т.е. удачность требования не связана непосредственно с его выполнением).
- Обещание считается удачным, если собеседник принимает его, но оно лишь тогда является успешным/выполненным, если обещание было реализовано (ср. Maas/Wunderlich 1972, 141).

Остановимся на первом примере: если я как слушающий воспринимаю требование (поскольку я согласен с предлагаемыми говорящим правилами/условиями), то можно говорить, что речевой акт удался; явится ли он успешным, выявится позднее/после его реализации (Wunderlich 1976, 115: "Das Erfüllen der Interaktionsbedingungen findet

immer in der Nachgeschichte eines Sprechaktes statt; Verstehen und Akzeptieren gehören zur unmittelbaren Interaktionssituation selbst").

Правила (условия), которые Searle 1983, 97 (см. выше) сформулировал в отношении удачи речевого акта, не определяют его успешности; лишь слушающий (а также говорящий, например в ситуации обещания) определяет успешность речевого акта в той коммуникативной рамке, которая складывается после речевого действия и вызывает его задержку. Сформулируем следующие положения (Burkhardt 1986, 182): Удача директивного речевого акта основана на выполнении следующих правил:

- правила пропозиционального содержания (например: "Du wirst das Buch doch zurückgeben")
- правила искренности (например: "Es liegt mir daran, daß du das Buch zurückgibst")
- правила важности (например: "Du solltest besser das Buch zurückgeben")
- правила начала коммуникации (например: "Kannst du das Buch zurückgeben?").

Удача речевого акта сама по себе не несет информации о том, последует ли за первой удавшейся частью вторая часть речевого действия, то есть будет ли речевой акт успешным.

На основании проведенного разграничения удачи и успешности речевого акта внутри коммуникативной рамки нами гипотетически выделены следующие комбинации:

1. Речевой акт удался и является успешным;
2. Речевой акт удался, но, в конечном счете, он не является успешным;
3. Речевой акт не удался и, следовательно, не является успешным;
4. Речевой акт не удался в собственном смысле слова и по началу является безуспешным; однако, внутри коммуникативной рамки после задержки речевого действия достигается его определенный успех. Подобная комбинация удачи и успешности мыслима только в определенном контексте - когда изначально неудачный речевой акт впоследствии воспринимается как удачный.

Описанные выше комбинационные возможности будут далее проиллюстрированы примерами.

В связи со сказанным важно дать ответ на вопрос, в какой сте-

пени неудача речевых актов связана с ограниченной или в принципе отсутствующей готовностью обоих партнеров к коммуникативному сотрудничеству. Нам представляется, что если отсутствующая у собеседника готовность вести коммуникативное сотрудничество в принципе может с легкостью привести к неудаче речевого акта, то безуспешные речевые акты ни в коей мере не свидетельствуют об отсутствии готовности к сотрудничеству. В случае, если диалог строится не по правилам Грайса (количество, качество, отношение, модальность - ср. Grice 1980, 115), то на долю говорящего приходится большое количество коммуникативных поражений после произведения речевого акта. Это неудивительно, поскольку в этом случае успешность речевого акта выходит за пределы коммуникативной стратегии говорящего. Таким образом, говорящий соглашается с неудачей речевого акта (или даже заинтересован в ней).

Николаева 1990, 226, говорит о четырех принципах "некооперации/саботажа", которые в контрапунктическом порядке противопоставлены грайсовскому принципу кооперации:

1. установка на навязывание коммуниканту своего мнения об обсуждаемой ситуации;
2. нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос;
3. стремление уйти от ремо-предикативного аспекта беседы. то есть от обмена новой характеризующей информацией, информацией мысли, а не факта;
4. желание задеть, обидеть собеседника.

Существование подобных категорий указывает на то, что в условиях отсутствующей готовности собеседников вести коммуникативное сотрудничество часто вообще невозможно сказать, какая имплицитная причина предопределяет неудачу речевого акта. Судить об этом можно зачастую лишь на основании больших диалогов, не на основании фрагментов диалога или мини-диалога. Так, мини-диалог, приведенный в качестве примера в работе Николаевой 1990, 227, предполагает различные интерпретационные возможности ("Булочная. Обеденный перерыв. Х. После обеда у вас будет сахар?" Продавщица. У нас обед!").

С одной стороны, отсутствующее у продавщицы желание вести коммуникативное сотрудничество (некооперация) может быть понято буквально, с другой стороны, можно предположить, что формальная реализация речевого акта в данной ситуации имеет место, но заключена в невежливую форму; в последнем случае и вопрос, и весь рече-

вой акт в целом можно считать неудачными. Можно согласиться с Николаевой, усмотревшей в данном и других примерах реализацию "педагогической" функции ответной реплики (там же 227: "Однако во всех этих случаях отчетлива тенденция, их объединяющая: не сообщить нужную информацию, сорвать коммуникативную кооперацию и при этом "воспитать" клиента. Последнее, как будет сказано ниже, мы считаем основным ведущим стимулом, подчиняющим себе речевую реализацию"). Данное наблюдение, с нашей точки зрения, не дает однозначного решения вопроса об имплицитной связи между удачей речевого акта и готовностью к коммуникативному сотрудничеству.

Другой аспект проблемы связан с т.н. тактикой замедления, которая используется в некоторых репликах. Тактика замедления предполагает нарушение связей внутри иллокутивных групп посредством вставок, при этом не происходит полной блокады диалога. Ольга Т. Йокояма привела показательный пример в своей новой работе "Responding with a Question in Colloquial Russian". Пример хорошо иллюстрирует суть проблемы: "Американец: "Это правда, что англичане всегда отвечают на вопрос вопросом?" - Англичанин: "А почему вы спрашиваете?" (Yokoyama 1990). Стратегия диалога, предполагающая отказ собеседника дать желаемые ответы на поставленные вопросы или стремление вместо ответа задать встречный вопрос, имеет различные функции (помимо функции отрицания презумпции, о которой здесь не идет речь):

- Чередование активной и пассивной ролей в диалоге;
- Намерение помедлить с ответом, дополнительно поразмыслив над ним;
- Отсутствующая готовность к кооперации.

Русские примеры встречаются в разнообразных видах текстов: в беллетристике, в народной литературе, в разговорной речи (ср. там же 12-13). Реплики, построенные по описанному принципу, сигнализируют о том, что отвечающий стремится выйти временно за пределы обычной иллокутивной рамки и концентрирует внимание на условиях удачи/неудачи речевого акта - терминология Падучевой 1982а, 309 ("...ответная реплика обращена на условия успешности речевого акта, в который входит исходная реплика, а не на содержание этой реплики ...").

В заключение следует подчеркнуть, что правила удачи речевого акта играют значительную роль в т.н. бессмысленных диалогах; то же относится и к основным правилам Грайса. В произведениях Льюиса

Кэролла мы сталкиваемся с неоднозначностью речевого акта (Падучева 1982b, 108 сл.), и тем самым нарушается грайсовское правило модальности (избегай многозначности - ср. Grice 1980, 114). Таким образом, можно сделать вывод, что определенные языковые явления, которые редки в разговорной речи, становятся как бы частью литературного процесса (это касается и словесной игры). Являются ли полисемичные речевые акты удачными или нет? С точки зрения коммуникативного намерения говорящего, они не являются удачными, поскольку слушающий воспринимает их в другом ключе, отличном от заранее заданного. Нам представляется, что речевой акт в данном случае является скорее неудачным, поскольку намерение говорящего по-своему декодируется слушающим.

4. После замечаний, касающихся проблемы успешности речевых актов, проблемы широко освещавшейся в научной литературе (ср. по этой теме публикации Jacques 1986, 231 сл., Падучева, 1985, 63, 138 сл., Savigny 1969, 136 сл., Fraser 1980, Bartsch 1979), перейдем теперь к типам диалогической связности 4-7.

При *прогрессивно-метаязыковом* типе связности реплика иллюкутивно согласуется с контекстом, согласование при этом сопровождается метаязыковыми характеристиками. Сопровождение понимается обычно как вступительная часть реплики, имеющая метаязыковую природу.

В качестве примера, иллюстрирующего названный тип диалогической связности, приводим отрывок из романа В.Н. Войновича "Претендент на престол" (Войнович 1979, 59, ср. Woinowitsch 1985, 77 сл.). В примере рассматривается диалог между Нюрой, возлюбленной солдата Чонкина, и прокурором Павлом Трофимовичем Евпраксейным:

- Нюра терпеливо ждала. Наконец, прокурор поднял глаза и удивился:
- Вы еще здесь?
 - Так я насчет ...
 - ... Свово мужика?
 - Ну да, - кивнула Нюра.
 - Разве я непонятно объяснил? Ну что ж, попробую иначе. Запомните и зарубите себе на носу, - он повысил голос и стал грозить пальцем, - у нас в Советском Союзе ни за что никого не сажают. И я, как прокурор, предупреждаю вас самым строгим образом, вы такие разговорчики бросьте. Да, да и нечего прикрываться своей беременностью. Мы никому - ни беременным, ни всяким прочим не позволим. Ясно?
 - Ясно, - оробела Нюра.

Третья, более длинная реплика прокурора открывается метаязыковой вставкой ("Разве я непонятно объяснил? Ну что ж, попробую иначе. Запомните и зарубите себе на носу"). Реплика представляет собой сложный сплав, содержащий элементы предупреждения, угрозы, требования, констатации, а также сигнал окончания речи в форме вопроса, проверяющего понятность сказанного. В терминах теории речевых актов, можно говорить об удаче сложной реплики прокурора, об этом свидетельствует ответ Нюры: "Ясно", "Я поняла"; то есть героиня согласилась подчиниться иллокутивным действиям, на которые ее вынуждали соответствующие речевые акты. Реплика прокурора основана на иллокутивном взаимодействии с репликой Нюры. В целом ее можно считать и успешной, так как далее она приводит к прояснению непонятного для героя и для читателя смысла: выясняется, что Нюра ждет ребенка от Чонкина.

Комплекс речевых актов (реплика), автором которых является прокурор, иллокутивно согласован с пред-текстовой частью: в своих репликах прокурор эксплицитно реагирует на замечания Нюры, оценивая и комментируя их. Во втором примере из "Швейка" Ярослава Гашека анализируется диалог между Блахником и солдатом Швейком, раздобывающим собаку для своего командира (Hašek 1967, I, 199; ср. 1976, I, 186):

"Co jsem ti dlužen," otázal se Švejk Blahníka, když se s ním loučil.

"Nemluv o tom, Švejku," řekl měkce Blahník, "pro starýho kamaráda všechno udělám, zejména když slouží na vojně. Sbohem, hochu, a nevod' ho nikdy přes Havlíčkovu náměstí, aby se nestalo nějaký neštěstí. Kdybys potřeboval ještě nějakýho psa, tak znáš, kde bydlím."

Метаязыковое вступление Блахника "Не говори об этом" никак не нарушает иллокутивного взаимодействия его реплики с вопросом Швейка; Блахник дает по сути косвенный ответ: "для старого товарища я сделаю все" (т.е. отказываюсь от всякого вознаграждения).

Мы подходим к рассмотрению следующего типа - *стагнирующей метаязыковой* связности. Как и в предшествующем типе, здесь имеет место иллокутивное взаимодействие отдельных реплик. Различие заключается в том, что в описываемом случае происходит временная приостановка референциальной прогрессии диалога и, вместе с тем, торможение иллокутивного взаимодействия реплик, обусловленное метаязыковой вставкой. С функциональной точки зрения, данная реплика играет роль задержки, она замедляет иллокутивные сцепления реплик, хотя и не приводит к полной блокаде диалога.

Яркий пример такого типа связности обнаружен нами в романе

"Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" Войновича (Войнович 1975, 27; ср. Woinowitsch 1975, 32), речь идет о диалоге между Самушкиным и Чонкиным:

- Чего тебе? - шепотом спросил Чонкин.
 - Да ты не бойся, - прошептал Самушкин и сам наклонился к чонкинскому уху. - Ты знаешь, что у Сталина было две жены?
 - Да ну тебя, - отмахнулся Чонкин.
 - Верно тебе говорю. Две жены.
 - Хватит болтать, - сказал Чонкин.
 - Не веришь - спроси у старшего политрука.
 - Да зачем мне это нужно? - упрямылся Чонкин.
 - Спроси, будь другом. Я спросил бы, но мне неудобно, я прошлый раз задавал много вопросов.
- (.....) И Чонкин, будучи человеком добрым, не умеющим никому и ни в чем отказывать, сдался.

В приведенном отрывке текста выделяются две по очереди следующие метаязыковые реплики: "Верно тебе говорю. Две жены" и "Хватит болтать"; заметим, что, во-первых, обе реплики могут быть опущены без замедления содержательной прогрессии диалога. Во-вторых, насколько можно заключить, реплики не вызывают коммуникативной блокады. Вторая реплика следует за первой, аналогичной по содержанию.

Ответ на вопрос об удаче и успешности данного речевого акта представляет ряд трудностей: Прежде всего, интересно выявить, являлся ли вопросительный речевой акт "Ты знаешь, что у Сталина было две жены?" удачным. Нам представляется целесообразным следующее рассмотрение: Вопрос Самушкина является неудачным речевым актом, поскольку Чонкин отказывается отвечать на него ("Да ну тебя"/"Nau ab, du"; "Хватит болтать"/"Halt das Maul" - немецкие эквиваленты приведены в соответствии с литературным переводом). После включения в контекст двух других реплик ("Верно тебе говорю. Две жены" и "Не веришь - спроси у старшего политрука") картина существенно меняется: После второй вставной реплики речевой акт уже может считаться удачным, хотя ответ на вопрос и носит уклончивый характер. Однако само существование уклончивого ответа свидетельствует о том, что вопрос "воспринят" собеседником.

Также, исходя из общей коммуникативной ситуации, можно считать речевой акт успешным: Чонкин далее предпринимает новую попытку разрешить вопрос, задавая его оберполитруку Ярцеву (он при этом сам не получает искомого ответа; Ярцев дает уклончивые ответы, как до него поступал сам Чонкин - Войнович 1975, 28 сл.):

Чонкин встал.

- Вопрос, товарищ старший политрук.

- Пожалуйста (.....)

- А правда, - спросил Чонкин, - что у товарища Сталина было две жены?

(.....)

- Что?! - закричал он, трясаясь от ярости и испуга. - Вы что говорите? Вы меня в это дело не впутывайте. - (.....)

Шестой тип диалогической связности указывает на *задержку движения* диалога при использовании в репликах неметаязыковых средств, в отличие от ранее рассмотренных типов. Содержание нашей дефиниции приходится на границу между метаязыком и языком-объектом, хотя заметим, что данное разделение не всегда последовательно выполняется (особенно трудны случаи, когда в репликах присутствуют частицы и другие функциональные средства). Трудность классификации здесь очевидна. Заметим, что описываемый тип связности реплик имеет много общего с прогрессивно-презумптивным типом связности, имея в виду, что отрицание презумпции предшествующей реплики связано с целью задержать движение диалога. Приведем пример из текста Войновича 1975, 80:

- Ну ладно, - Чонкин поставил винтовку к ноге и посмотрел Нюре в глаза. - Чего у тебя было с Борькой?

- Да ты что? С каким Борькой?

- Известно, с каким. С кабаном. Ты с ним давно живешь?

Нюра попыталась улыбнуться.

В действительности Нюра, конечно, не намерена нарушать презумпцию реплики Чонкина ("У тебя была связь с Борькой"). Выбранная форма нацелена на то, чтобы задержать ответ на вопрос или вовсе не ответить на него. В последующей реплике желание героини задержать движение диалога вырисовывается еще более выпукло ("Ваня, ты это шутейно, да?" - там же).

Несмотря на проблему идентификации, выделение шестого типа связности представляется оправданным. Проиллюстрируем это хотя бы одним примером (Шукшин 1982, 202):

- Вот какая моя дума: надо спробовать повернуть Стеньку на крымцев. Поедешь ты, Фрол, скажешь ...

- Ты что?! - испугался Фрол.

- Не тронет он тебя. Полный раздор с нами чинить ему тоже не с руки: он не дурак - оставлять за спиной обиженных. А поедешь ты от всех

нас. Возмешь письмо Петра Дорошенко. Сериково письмо я в печь бросил. Ехать надо сразу - успеть до Васьки. Надо, надо, ребята ... Надо хоть показать: чего-то да делали мы тут, а то совсем уж ... смотрим только. Спросют ведь!

- Не мне бы ... Не поверит он мне.

- Тебе-то как раз и поверит, - сказал Михайло. - Тут ведь - не только письмо передать, а поговорить с им ...

В разговоре с Корнеем и Михайло, Фрол избегает нормальной реакции на реплики собеседников, предполагающей положительный или отрицательный ответ, и отвечает весьма уклончивой репликой: "Ты что" (Томас Решке переводит функционально эквивалентным клише "Bist du verrückt"? - Schukschin 1980, 251). В широком значении реплика оказывает воздействие на собеседника и в целом на речевую ситуацию. Падучева 1982а, 309 говорит в аналогичных случаях о "репликах, обращенных на условие речевого акта". Задержка, заключенная в реплике "ты что", указывает на негативное отношение Фрола к директивному речевому акту, автором которого является его собеседник (ср. "Не мне бы ... Не поверит он мне"), однако, в конечном счете, реплика не содержит отказа дать ответ, речь идет именно о стратегической задержке, предваряющей окончательное решение. Задержка свидетельствует об объективной неуверенности, в которой пребывает Фрол. Несмотря на повторно высказанную настороженность "Эх, не мне бы! Подумайте!", Фрол в конце концов отправляется вечером в путь в сопровождении двух казаков.

Попытка избежать иллокутивного контакта с собеседником, в форме нарочитого возвращения к изначальным условиям беседы, может привести к тому, что различие между инициативой говорящего и реакцией слушающего в диалоге окажется размытым или же первая и вторая вообще поменяются местами, при этом ожидаемая иллокутивная последовательность реплик не будет сохранена. Хороший пример, в котором обнаруживается путаница объектно- и метаязыковых высказываний, встретился нам в тексте Шукшина 1982, 251:

Они приотстали от других, никто не мешал разговаривать. И не странно им было - на высоченном берегу Волги, верхами, глотая пыль, поднятую передними, вести этот углубленный разговор. Но Степану было интересно, и Матвею интересно.

- Ну, а как с богом-то? - хотел понять Степан.

- Тоже не мог полюбить. (.....)

- А царя за что не жалуешь?

- Что? - Матвей, когда не знал, как ответить, переспрашивал - собирался с мыслью.

- Царя-то за что не любишь? Глухой, что-ль?
- А ты?
- Я тебя спрашиваю!
- А мне интересно, как ты скажешь ...
- Хитрый ты, Матвей. Все мужики хитрые.
- А ты не хитрый?
- Чего ты заладил: "а ты", "а ты"? ... Дятель. Я тебя спрашиваю!
- Ты тоже хитрый, Степан. Может, так и надо.
- Где это я хитрый?
- Да с царем с тем же ... (.....)

5. Во всех рассмотренных выше типах связности нами было принято в качестве допущения, что диалог протекает в обычной коммуникативной реплике и поэтому является "нормальным". Однако в литературе встречается тип реплик (прежде всего характерный для разговорной речи), при котором имеет место явление, обозначаемое здесь *иллокутивной блокадой*. Иллокутивная блокада указывает на тот факт, что собеседник не принимает речевого акта, со всеми условиями его содержания, формы и коммуникативной целесообразности, даже после введения задерживающих средств он не готов реагировать на реплику говорящего. Неприятие того или иного вербального действия означает, что соответствующий речевой акт не имел успеха. Не случайно, что примеры "иллокутивной блокады" относительно часто встречаются в романах, предметом описания которых является быт солдат (Гашек, Войнович, в этом же ряду стоит и роман Шукшина "Я пришел дать вам волю").

В подобной функции в "Похождениях Швейка" многократно встречаются метаязыковые требования, выраженные формулой "Držte hubu", с помощью которой речевой акт блокируется на коммуникативном уровне, а собеседнику навязываются иные правила речевого поведения. Мы цитируем отрывок из романа Гашека 1967, I, 78 сл. - ср. 1978, I, 75:

"Poslušně hlásím, že já proto nemyslím, poněvadž je to na vojně vojákům zakázáno. Když jsem byl před léty u 91. regimentu, tak nám náš pan hejtman vždycky říkal: 'Voják nesmí sám myslet. Za něho myslí jeho představení. Jakmile voják začne myslet, už to není voják, ale nějaký prach všivěj civilista. Myšlení nevede ...'"

"Držte hubu," přerušil Švejka zuřivě předseda komise, "o vás už máme zprávy. Der Kerl meint: man wird glauben, er sei ein wirklicher Idiot ... Žádný idiot nejste, Švejku, chytřej jste, mazanej jste, lump jste, všivák, uličník, rozumíte ..."

"Poslušně hlásím, že rozumím."

Už jsem vám říkal, abyste držel hubu, slyšel jste?"

"Poslušně hlásím, že jsem slyšel, abych držel hubu."

"Himlhergot, tak tu hubu držte, když jsem vám poručil, tak víte dobře, že nesmíte kušnit."

"Poslušně hlásím, že vím, že nesmím kušnit."

Особенностью приведенного диалогического отрывка является метаязыковая иллокутивная блокада, к которой часто прибегает председатель комиссии, обслеующий Швейка. Сам Швейк использует каждую реплику председателя, чтобы восстановить коммуникативную связность, лексический повтор является в данном случае основным средством выражения (*понимать, слышать, знать, молчать*). Уже первая реплика председателя, несмотря на ее пространность, является не ответом на предшествующую реплику, а лишь передает негативное отношение к Швейку, который в глазах членов комиссии является или симулянтом или идиотом. Оно укрепляется в ходе диалога ("Вы не идиот, Швейк, Вы умны, Вы тертый калач ..."). Мнение Швейка об интеллекте солдата не встречает отклика. Поэтому речевой акт, автором которого является Швейк, не только не является удачным, но как показывает дальнейшее коммуникативное развитие диалога, он оказывается безуспешным. Нигде далее в ходе диалога аргументация Швейка не комментируется, не вызывает позитивной реакции и не опровергается. Таким образом, реплика остается не привязанной к коммуникативной ситуации. Более того, герой сам не делает попытки высказать свое мнение во второй раз.

Далее мы рассмотрим случаи иллокутивной блокады с различных точек зрения, определяя условия ее существования. Категориальные признаки, рассмотренные здесь, могут относиться также к типам связности 4-6. Нами выделены следующие критерии описания:

1. Метаязыковая и объектноязыковая блокада;
2. Категориальные характеристики глаголов или глагольных сочетаний в репликах, обеспечивающих блокаду диалога;
3. Типы речевых актов.

Собеседник может блокировать развитие темы диалога на метаязыковом или объектноязыковом уровне. Яркий пример метаязыковой блокады цитировался выше в связи с романом Гашека. В качестве метаязыковых средств блокады, как правило, используются выражения, коррелирующие с теми, что произносит собеседник. В цитированном примере председатель комиссии реагирует в форме фразеологического единства на реплику Швейка, не давая последнему высказаться. Объектноязыковая блокада приводит к завершению диалога в

форме высказанного суждения или комментария, негативного по содержанию. Прочитируем два примера:

(Диалог между полицейским Бретшнайдером и хозяином Паливцем в трактире "U Kalicha" - Hašek 1967, I, 12 сл.)

"V bosenském Sarajevu, pane hostinský. Zastřelili tam pana arcivévodu Ferdinanda. Co tomu říkáte?"

"Já se do takových věcí nepletu, s tím at' mně každéj políbí prdel," odpověděl slušně pan Palivec, zapaluje si dýmku.

(Диалог между Максимом и купцом из Астрахани, который оказывается владельцем кинжала, незадолго до того украденного у Максима - Шукшин 1982, 257)

- Где нож взял? - сразу спросил Макся купца.
- А тебе какая забота? Где бы ни взял ...

Интересный случай блокады встретился нам в диалоге между Нюрой и Чонкиным у Войновича 1975, 41:

А ему уходить не хотелось. Он постоял еще, помолчал и задал вопрос сразу по существу:

- Одна живете или с мужем?
- А вам зачем знать? - спросила Нюра.
- Из интересу, - ответил Чонкин.
- Одна или не одна, вас это не касается.

Этот ответ удовлетворил Чонкина. Он означал, что Нюра живет одна, но девичья гордость не позволяет ей отвечать прямо на такие вопросы.

Произнося свою последнюю реплику ("Вас это не касается"), Нюра во второй части диалога решительно отказывается отвечать Чонкину. Речевой акт Чонкина ("Одна живете или с мужем?") оказывается неудачным, так как Чонкин не учел всех условий, заданных ситуацией. И все же можно говорить об определенном успехе речевого акта, поскольку Чонкин добивается прояснения для себя интересующих его обстоятельств, хотя и делает это с опозданием, сообразив, что девичья гордость Нюры не позволяет ей дать прямого ответа.

В качестве второго характеризующего критерия мы рассматриваем различные *семантические группы*, в которые входят глаголы и глагольные сочетания из реплик блокирующих диалог; в качестве примера рассмотрим некоторые из этих групп:

- a) Verba dicendi и примыкающие к данной группе глагольные

сочетания (см. также выше):

"Poslušně hlásím, pane obrlajtnant, že se vynasnažím. Měl jsem sice vošklivej sen, když jsem si trochu k ránu zdříml. Zdálo se mně vo neckách, který tekly přes celou noc na chodbě v domě, kde jsem bydlel, až vytekly a promočily strop u pana domácího, kterej mně hned ráno dal vejповěd'. Von byl už, pane obrlajtnant, takovej případ ve skutečnosti; v Karlíně za viaduktem ... "

"Dejte nám pokoj, Švejku, s vašimi hloupými řečmi a dívejte se raději s Vaňkem na mapu, kudy máte jít. (...)"

(Hašek 1967, III, 215 - Диалог между Швейком и старшим лейтенантом Лукашем).

б) Глаголы, указывающие на реальное или маскируемое незнание о содержании предмета:

(.....) Ты вот татарей знаешь, калмыков - у их-то так жа?

- Как я их знаю! ... - в раздумье, не сразу откликнулся Степан. Степану неохота было говорить про это: (.....)

(Шукшин 1982, 251 - Диалог между Степаном и Матвеем).

в) Глаголы, указывающие на равнодушие говорящего к предмету (с привязкой или без привязки ко времени):

"Četl jste to?"

"Nečetl."

"Víte o tom?"

"Nevím."

"A víte, oč se jedná?"

"Nevím, já se o to nestarám."

(Hašek 1967, I, 22 - Диалог между двумя господами из Полицейской администрации, речь идет об убийстве ерцгерцога Фердинанда в Сараево).

Заметим, что, во-первых, перечисленные группы не исчерпывают всех случаев употребления, во-вторых, в репликах обычно участвуют комбинации из элементов различных групп.

Третий рассматриваемый критерий предполагает характеристику типов *речевых актов*. Если исходить из принятой классификации (Серль различает ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы), то следует указать в первую очередь на продуктивность директивов. Это не удивительно, поскольку именно данный тип связан с задачей побуждения к действию или прекращению действия. Мы воздержимся здесь от новых примеров.

Не менее продуктивны ассертивные суждения, используемые в качестве ответов на вопросы. В отличие от обычной иллокутивной пары *вопрос-ответ*, вторая реплика в данном случае соотносима не с

содержанием высказывания, а с условиями коммуникативной ситуации, например с условием оправданности или неоправданности вопроса ("... вас это не касается").

Еще одна возможная ситуация блокады возникает в связи с заданием встречного вопроса ("а тебе какая забота?"). Встречный вопрос здесь также привязан к условиям протекания диалога. Обобщая сказанное, перечислим условия, при которых возникает иллокутивная блокада.

- Блокада может быть навязана начальником подчиненному и осмысляться как распоряжение;
- Блокада может иметь место в диалоге между равными по занимаемому положению собеседниками (часто это равенство подкрепляется существующими дружескими отношениями личного или коллегиального характера).

Таким образом, социальным условием блокады в диалоге является высший, иногда равный статус говорящего. Начальственное положение одного из собеседников указывает на дистанцированный характер отношений между ними.

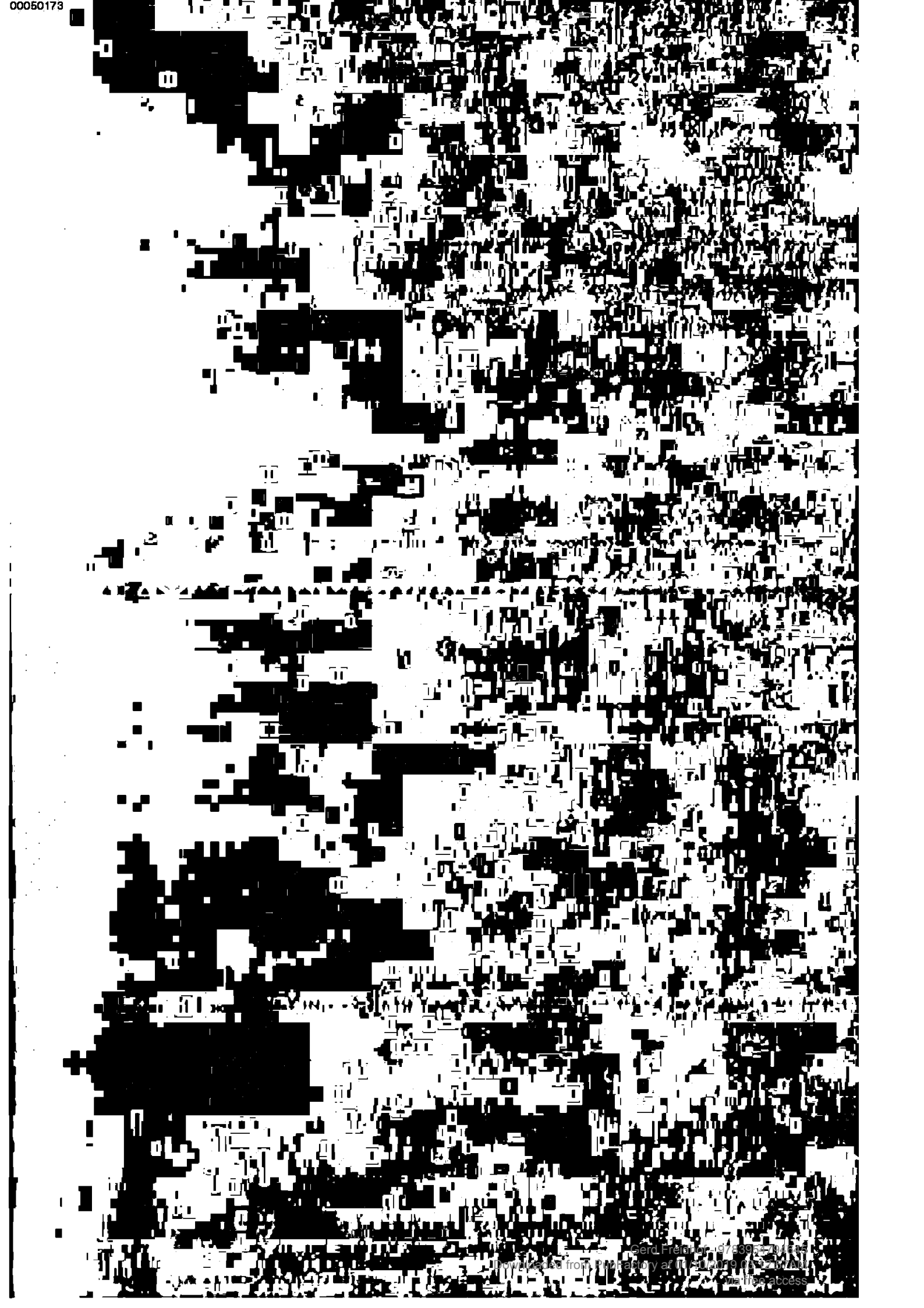
Трудно определить психологический фактор, объясняющий природу диалогической блокады. Однако можно утверждать, что эмоциональное состояние собеседника, решившегося на введение блокады, так или иначе маркировано. Можно допустить, что иллокутивная блокада относится к экспрессивным средствам в сфере языкового употребления (спорадическое использование междометий говорит в пользу такого предположения).

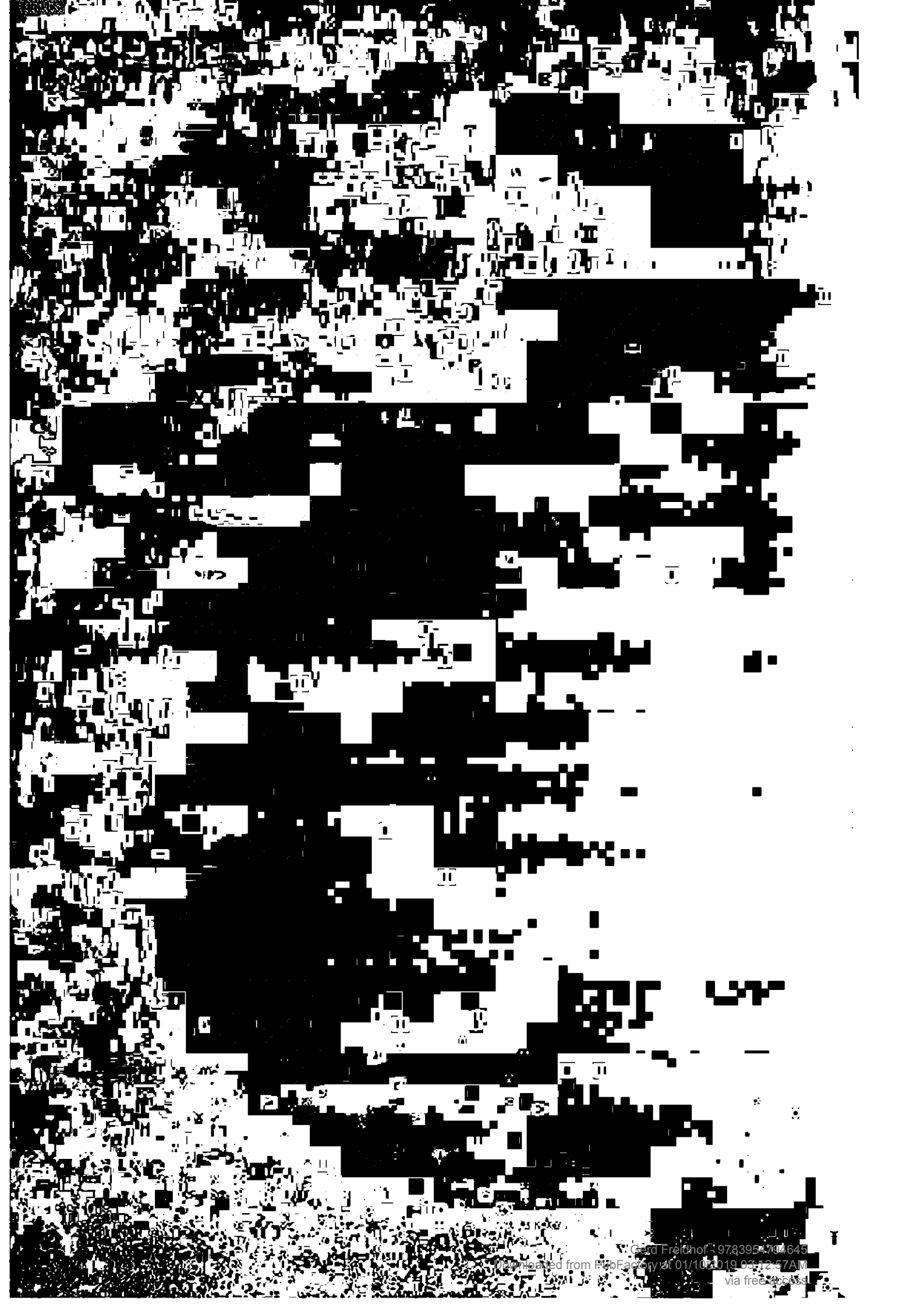
Литература

- В. Войнович, *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина*. Париж 1975.
- В. Войнович, *Претендент на престол. Новые приключения солдата Ивана Чонкина*. Париж 1979.
- Т.М. Николаева, О принципе "некооперации" и/или о категориях социолингвистического воздействия. *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста*. Москва 1990, 225-235.
- Е.В. Падучева, Прагматические аспекты связности диалога. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка* 41 (1982а), 305-313.
- Е.В. Падучева, Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Керролла. *Семиотика и информатика* 18, Москва 1982в, 76-119.
- Е.В. Падучева, *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. Москва 1985.
- В. Сорокин, *Очередь*. Париж 1985.
- В. Шукшин, *Я пришел дать вам волю*. Москва 1982.
- А.П. Чехов, *Избранные произведения в трех томах. Том третий*. Москва 1967.
- R. Bartsch, Die Rolle von pragmatischen Korrektheitsbedingungen bei der Interpretation von Äußerungen. *Sprechaktheorie und Semantik. Herausg. von G. Grewendorf*. Frankfurt a.M. 1979, 217-243.
- A. Burkhardt, *Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen*. Tübingen 1986.
- A. Čechov, *Drei Schwestern*. Zürich 1974 (переводчик: P. Urban).
- T.A. van Dijk, *Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung*. Tübingen 1980.

- B. Fraser, Wie läßt sich die Illokutionskraft von Sätzen erklären? *Sprechakttheorie. Ein Reader. Herausg. von P. Kußmaul.* Wiesbaden 1980, 53-81.
- G. Freidhof, Dialoganalyse, Gliederungspartikeln und Übersetzen (mit Belegen aus dem Slavischen, insbesondere Russischen, und dem Deutschen). *Zeitschrift für Slavische Philologie LI (1992), 225-290.*
- H.P. Grice, Logik und Gesprächsanalyse. *Sprechakttheorie. Ein Reader. Herausg. von P. Kußmaul.* Wiesbaden 1980, 109-126.
- G. Harras, *Handlungssprache und Sprechhandlung.* Berlin - New York 1983.
- J. Hašek, *Osudy dobrého vojáka Švejka I-IV,* Praha 1967.
- J. Hašek, *Die Abenteuer des braven Soldaten Schwejk. Bd. 1,* Reinbek bei Hamburg 1976, Bd. 2, 1977.
- F. Jacques, *Über den Dialog. Eine logische Untersuchung.* Berlin - New York 1986.
- St.C. Levinson, *Pragmatik.* Tübingen 1990.
- U. Maas/D. Wunderlich, *Pragmatik und sprachliches Handeln.* Frankfurt a.M. 1972.
- Mluvnice češtiny. 3: Skladba.* Praha 1987.
- O. Müllerová, *Komunikativní složky výstavby dialogického textu.* Praha 1979.
- E. von Savigny, *Die Philosophie der normalen Sprache. Eine kritische Einführung in die "ordinary language philosophy".* Frankfurt a.M. 1969.
- G. Schank, Linguistische Konfliktsanalyse. Ein Beitrag der Gesprächsanalyse. *Konflikte in Gesprächen. Herausg. von G. Schank u. J. Schwitalla.* Tübingen 1987, 18-98.
- W. Schukschin, *Rebell gegen den Zaren. Ein Kosakenroman.* Stuttgart 1980 (переводчик: Th. Reschke).
- J.R. Searle, *Speech Acts.* Cambridge 1969.

- J.R. Searle, *Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay*. Frankfurt a.M. 1983.
- R.H. Thomason, Accomodation, Meaning, and Implicature: Interdisciplinary Foundations for Pragmatics. *Intentions in Communications. Edited by Ph.R. Cohen et al.*). Cambridge - London 1990, 325-363.
- W. Woinowitsch, *Die denkwürdigen Abenteuer des Soldaten Iwan Tschonkin*. Darmstadt-Neuwied 1975 (переводчик: А. Каемпе).
- W. Woinowitsch, *Iwan Tschonkin Thronanwärter*. Zürich 1985. (переводчик: А. Каемпе).
- D. Wunderlich, *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt a.M. 1976.
- O.T. Yokoyama, Responding with a Question in Colloquial Russian. *Topics in Colloquial Russian. Edited by M.H. Mills*. New York u. a. 1990, 1-16.

Supplementband 30

Karen Reitz

Die Entwicklung analytischer Konstruktionen in der russischen Fachsprache der Mathematik seit dem 18. Jh.

München 1990.

339 S. (hard cover), DM 98.-

Supplementband 31

Studia phraseologica et alia.

Festschrift für Josip Matešić zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von Wolfgang Eismann und Jürgen Petermann. München 1992.

XII + 561 S. (hard cover), DM 130.-

Supplementband 28

Probleme der Textlinguistik. Problemy lingvistiki teksta. Gemeinschaftsarbeit von Wissenschaftlern der Partneruniversitäten Bochum und Minsk.

Herausg. von H. Jachnow und E. Suprun.
München 1989.

322 S. (hard cover), DM 56.-

Supplementband 29

Ulrike Timković

Das Wortspiel und seine Übersetzung
in slavische Sprachen.

München 1990.

256 S. (hard cover), DM 64.-

Band 79

F. Polikarpov:

Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium
trilingue. Moskva 1704. Nachdruck und
Einleitung von H. Keipert.

München 1988.

XXX + 806 S. (hard cover), DM 190.-

Band 83

S.K. Bulič:

Očerk istorii jazykoznanija v Ros-
sii. T. I (XIII v. - 1825 g.).

SPb. 1904. Nachdruck und Nachwort
von H. Keipert.

München 1989.

1248 + VII S. (hard cover), DM 220.-

Band 96

A Reader in Slovak Linguistics.

Studies in Semantics.

München 1992.

329 S. (soft cover), DM 50.-

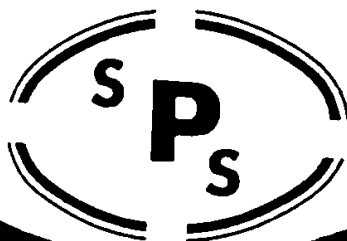
Band 99

Studies in Polish Morphology and
Syntax. Edited by Gerd Hentschel
and Roman Laskowski.

München 1993.

XIII + 313 S. (soft cover),

DM 72.-

Band 84

Russkija narodnyja kartinki. Sobral i opisal D. Rovinskij. SPb. 1881. In Auswahl nachgedruckt und eingeleitet von Walter Koschmal. München 1989.

XIV + 302 S. (soft cover), DM 70.-

Band 85

P.V. Vladimirov

Doktor Francisk Skorina. Ego perevody, pečatnyja izdanija i jazyk. SPb. 1888. München 1989.

351 S. (soft cover), DM 86.-

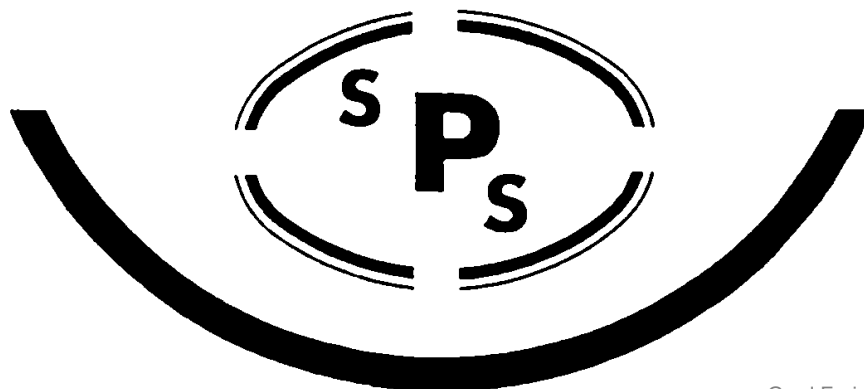
Band 90

Capucine Carrier

Trediakovskij und die "Argenida". Ein Vorbild, das keines wurde.

München 1991.

330 S. (soft cover), DM 70.-

Supplementband 32

Michael Fleischer

Das lyrische Werk von Tadeusz Peiper. Analyse und Konkordanzwörterbuch. München 1992.

579 S. (hard cover), DM 110.-

Supplementband 33

Iris Schneider

Poleznyj dialog. Journalistische Textsorten im Spiegel ihrer Schlagzeilen. München 1993.

247 S. (hard cover), DM 68.-

